Лев Давидович Троцкий

С. В. Тютюкин

В конце бурного 1905 г. в связи с возникновением в Петербурге новой организации — Совета рабочих депутатов в России впервые заговорили о самом ярком из его лидеров — Льве Троцком, а состоявшийся через год открытый судебный процесс над большой группой депутатов окончательно закрепил за ним репутацию восходящей революционной звезды. Через двенадцать лет председатель Петроградского Совета Троцкий вошел в число главных руководителей молодой Республики Советов. Следующий двенадцатилетний цикл завершился изгнанием исключенного из большевистской партии и лишенного высоких постов Троцкого из пределов Советского Союза как злейшего врага ленинизма и Советской власти. Прошло еще около двенадцати лет, и агент НКВД настиг Троцкого в далекой Мексике, поставив последнюю точку в его богатой событиями и политическими зигзагами жизни.

Судьба Троцкого в послеоктябрьский период вполне укладывается в ставшую ныне уже привычной формулу «триумф и трагедия», которую в той или иной степени можно отнести ко многим революционерам, чьи имена прогремели на весь мир в историческом 1917 г. Но у Троцкого был вдобавок и совершенно особый, принципиально отличный от других путь к Октябрю, завершившийся после яростной многолетней борьбы с Лениным вступлением в ленинскую партию большевиков незадолго до решающего штурма. Именно этому этапу в жизни и политической деятельности Троцкого и посвящен настоящий очерк [1]. Ограничение его рамок дооктябрьским периодом объясняется как спецификой настоящего сборника, где речь идет в основном о периоде империализма, так и тем, что биография Троцкого после 1917 г.— это совершенно особая и самостоятельная тема, за которую должны браться специалисты.

Начнем с того, что Троцкий — это партийный и литературный псевдоним Льва Давидовича Бронштейна. Родился он 26 октября (7 ноября) 1879 г. в деревне Яновка Херсонской губ. в зажиточной, быстро богатевшей еврей-

ской семье. Его отец Давид Бронштейн был выходцем из полтавских крестьян, а мать принадлежала к мещанскому сословию. Анна Бронштейн в отличие от мужа была грамотной, но намного уступала ему по уму и деловой хватке. В их семье было восемь детей, но выжили лишь четверо, причем дочь Ольга, как и Лев, участвовала затем в социал-демократическом движении. Впоследствии она вышла замуж за Л. Б. Каменева и работала в системе Наркомпроса.

Незадолго до рождения Льва родители перебрались на юг Украины, где Давид Бронштейн купил у полковника Яновского более 100 дес. земли и взял в аренду еще более 200 дес. (эти цифры приводит сам Троцкий в автобиографической книге «Моя жизнь») [2]. После того как в 1882 г. правительство Александра III ограничило права лиц иудейского вероисповедания на приобретение недвижимой, в том числе и земельной, собственности, Д. Бронштейн стал заключать с соседними помещиками крупные арендные сделки на землю, причем счет шел уже на многие сотни десятин. Хозяйство специализировалось на производстве зерна. В урожайные годы в разгар полевой страды у Бронштейна-отца работали сотни батраков. Немалый доход приносили также сад, мельница и ремонтная мастерская. В доме не было бездельников, и маленький Лев, едва научившись читать, писать и считать, стал помогать отцу в бухгалтерских расчетах. Давид Бронштейн встретил 1917 г. весьма зажиточным человеком (умер он в 1922 г. под Москвой, куда перебрался, чтобы быть поближе к сыну, после начала гражданской войны; его жена умерла еще в 1910 г.).

Щедрое южное солнце, напоенный запахами степных трав, пьянящий воздух, бескрайние просторы полей, певучая украинская речь — такой запомнилась Троцкому атмосфера его детства. Учиться он начал с шести лет в соседней немецко-еврейской колонии, где жил его дядя. Там он познакомился и с еврейским языком (в доме отца говорили на смеси русского и украинского), который так никогда и не стал для него родным. Наоборот, по-русски Троцкий и говорил и писал грамотно, а его почерк, особенно в молодые годы, отличался четкостью и даже красотой. В 1888 г. девятилетний Лев покинул родную деревню и поступил в лютеранское реальное училище святого Павла в Одессе, где учились дети состоятельных родителей многих национальностей.

Шумный портовый город с его неповторимым колоритом, многоязыкой толпой и даже со своим, особым юмором произвел на сельского дикаря, каким, в сущности говоря, был Лев Бронштейн к моменту его появления в доме М. Ф. Шпенцера, родственника по материнской линии, впоследствии издателя и владельца собственной типографии, поистине неизгладимое впечатление. Характерно, что, попав через 15 лет в Париж, Троцкий то ли в шутку, то ли всерьез скажет: «Похоже на Одессу, но Одесса лучше» [3]. Трудно сказать, чего здесь было больше — естественного для молодого человека стремления к оригинальности суждений, недостатка культуры или одесского патриотизма, но зафиксированный мемуаристом факт остается фактом.

Учился Лев отлично, поскольку его всегда выручала блестящая память и, видимо, унаследованная у отца логичность мышления, был очень самолюбив, во всем стремился быть первым. В доме Шпенцера — человека умеренно либеральных взглядов — юный Бронштейн постепенно приобщался к более высокой городской культуре, знакомился с русской классической литературой. В период пребывания в реальном училище был у Льва Бронштейна и серьезный конфликт с начальством. Он вступился за несправедливо обиженного преподавателем товарища и на несколько дней был исключен из училища. Однако все закончилось для юного бунтаря благополучно.

Наблюдая за ранними успехами сына, Давид Бронштейн уже мысленно видел его инженером или ученым, но судьбе угодно было распорядиться иначе. Для поступления в университет требовалось закончить семь классов реального училища, а в училище святого Павла их было только шесть. Поэтому Лев заканчивал среднее образование уже в Николаеве — основанном при Потемкине городе моряков и корабелов, где было в то время уже около 10 тыс. рабочих. И здесь случилось непредвиденное: недавний блестящий ученик забросил занятия, сблизился с группой радикально настроенной учащейся молодежи и местной интеллигенции и стал завсегдатаем необычного молодежного клуба, в который превратился старинный сад, арендовавшийся чехом Францем Швиговским. 1896 год оказался для Льва переломным: он отказался от планов поступления в Одесский университет, поссорился с отцом, стал критически относиться к окружающей действительности. Темпераментный молодой реалист, вырвавшийся из-под опеки родителей и дяди Мони (Шпенцера),

с увлечением декламировал наизусть Некрасова, восхищался едким сарказмом Салтыкова-Щедрина, то и дело повторял афоризмы Козьмы Пруткова [4].

Середина 90-х годов прошлого века проходила в России под знаком бурного промышленного подъема, роста рабочего движения и либеральных настроений в обществе. Марксизм уже одерживал верх в идейных боях с народничеством, в стране шла подготовительная работа по созданию социал-демократической рабочей партии. Освободительное движение вступало в новый, пролетарский этап своего развития. В этих условиях юный Лев Бронштейн, как и тысячи его сверстников, оказался на распутье: народничество все больше становилось анахронизмом, марксизм же, о котором молодежь имела пока лишь самое смутное представление, отпугивал многих своей «узостью», «фатализмом», сухим доктринерством. Прошел через все эти сомнения и молодой Бронштейн. Как говорится в его более позднем письме, адресованном видному большевистскому историку и партийному деятелю В. И. Невскому, в 1896 и начале 1897 г. он считал еще себя противником Маркса, которого, правда, знал лишь в изложении народника Н. К. Михайловского [5]. К тому времени относится и один любопытный эпизод из жизни Льва Бронштейна: встречая 1897 г., он сначала разыграл из себя новоявленного поклонника Маркса, а затем произнес шутливый антимарксистский тост, доведя до слез участницу новогодней вечеринки, свою будущую жену Александру Соколовскую, которая уже считала себя марксисткой.

Однако вскоре Лев Бронштейн и его товарищи решили начать революционную пропаганду среди николаевских рабочих. Весной 1897 г. возник Южнорусский рабочий союз, объединявший до 200—250 человек. В общем и целом он был уже социал-демократической организацией, но политика еще тесно переплеталась в его деятельности с самым безобидным просветительством и защитой экономических интересов рабочих. Как вспоминал позже сам Троцкий, тактическая линия союза колебалась между «экономизмом» и революционностью. «Влияние союза росло быстрее, чем формирование ядра вполне сознательных революционеров,— писал он.— Наиболее активные рабочие говорили нам: насчет царя и революции пока поосторожнее. После такого предупреждения мы делали шаг назад, на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию. Тактические

наши воззрения, повторяю, были очень смутны» [6]. Характерный штрих: когда в марте 1898 г. в Минске собрался I съезд РСДРП, его организаторы не сочли возможным пригласить представителей Южнорусского рабочего союза, не считая его достаточно выдержанной в идейном отношении и хорошо законспирированной организацией.

Львов (это была первая подпольная кличка Льва Бронштейна) оказался мастером на все руки: он писал тексты листовок, вел пропагандистские занятия в рабочих кружках, организовал выпуск гектографированного журнала «Рабочее дело», поддерживал связи с одесскими социал-демократами, занимался транспортировкой нелегальной литературы. В самый разгар этой работы 18-летний революционер и другие руководители союза были арестованы. Почти два с половиной года провел молодой Бронштейн в тюрьмах Николаева, Херсона, Одессы и Москвы. Приговор суда был по тем временам довольно суров: четыре года ссылки в Восточную Сибирь. Перед отправкой из московской Бутырской тюрьмы весной 1900 г. Лев Бронштейн против воли отца обвенчался с Александрой Соколовской. Она была старше своего мужа, уже получила профессию акушерки, активно работала в Южнорусском рабочем союзе и была за это арестована. Брак был заключен по любви и, казалось, сулил молодоженам долгие годы счастливой жизни. Во всяком случае по пути в Сибирь молодые революционеры были всецело поглощены друг другом и без страха смотрели в будущее.

Годы, проведенные в тюрьме, а затем в Усть-Куте, Нижнеилимске и Верхоленске, стали для Л. Д. Бронштейна временем интенсивной учебы. Он изучает доступные ему сочинения Маркса, Энгельса, Плеханова, читает Михайловского и Лаврова, увлекается одно время книгами о масонах. В Бутырской тюрьме он впервые услышал о Ленине и познакомился с его трудом «Развитие капитализма в России». Тогда же была прочитана и осуждена «еретическая» полемика Бернштейна с Марксом и Энгельсом. Значительно расширяется в те годы литературный кругозор молодого ссыльного, который сотрудничал в 1900—1902 гг. в иркутском журнале «Восточное обозрение» и достаточно свободно писал там о Белинском и Герцене, Гоголе и Жуковском, Мопассане и Золя, Успенском и Горьком, Бальмонте и Бердяеве.

Эти статейки с построчной оплатой были для энергичного, импульсивного юноши не только источником зара-

ботка, но и единственным в сложившихся условиях способом выражения своей индивидуальности. Именно тогда перед Л. Д. Бронштейном встал вопрос о выборе литературного псевдонима. Взять литературную фамилию по названию города, реки, женскому или мужскому имени казалось ему слишком тривиальным. Подписаться своей настоящей фамилией? Но тогда все узнали бы, что он еврей, а это явно не входило в планы молодого автора. Поэтому псевдоним был выбран довольно своеобразным способом. Раскрыв наугад итало-русский словарь, он выхватил взглядом слово «антидото» (противоядие), разделил его на две части и подписал статью «Антид Ото» [7].

Заметим в этой связи, что Л. Д. Бронштейн изучал в разное время немецкий, французский, английский, итальянский, испанский языки, причем по-немецки он писал даже публицистические работы. И хотя, по его собственному признанию, в совершенстве он не владел ни одним из них, знакомство с иностранными языками дало ему очень многое.

Пребывание в сибирской ссылке совпало с подъемом рабочего движения в России, интенсивной работой искровских организаций по созданию марксистской рабочей партии, поскольку после I съезда РСДРП социал-демократия временно пошла не вперед, а назад, вернувшись к кустарничеству и кружковщине. Л. Д. Бронштейн устанавливает связь с Сибирским союзом РСДРП, знакомится с книгой В. И. Ленина «Что делать?». Ему не могли не импонировать глубокая убежденность Ленина в огромном значении субъективного фактора исторического процесса, неиссякаемый оптимизм, напористость и дерзость молодого лидера «Искры».

Постепенно созревает план побега из ссылки, нашедший полное понимание и поддержку у А. Л. Соколовской, которая верила в большое будущее мужа. Тот факт, что Л. Д. Бронштейн оставил в Сибири жену с двумя маленькими дочерьми — Ниной и Зиной, вряд ли может вызвать наши симпатии, какими бы высокими политическими целями его ни старались оправдать поклонники Троцкого. Трудно сказать, имелось ли в виду воссоединение семьи после окончания срока ссылки Соколовской, но бесспорно одно: она никогда не предъявляла Л. Д. Бронштейну никаких претензий, сохранила к нему дружеские чувства, поддерживала переписку с бывшим мужем и контакты с его родителями, помогавшими ей в воспитании дочерей. В 1935 г. А. Л. Соколовская

была репрессирована. Убежденными последовательницами Троцкого стали и его дочери от первого брака. Судьба их сложилась трагично: Нина умерла от туберкулеза в 1928 г., Зинаида покончила с собой в Берлине в 1933 г., когда фашисты потребовали от нее немедленно покинуть Германию.

В конце лета 1902 г., собственноручно вписав в чистый паспортный бланк фамилию надзирателя одесской тюрьмы Троцкого, Л. Д. Бронштейн совершил удачный побег (этому помогло то, что А. Л. Соколовская в течение нескольких дней скрывала от полиции исчезновение мужа, объявив его больным) и вскоре оказался в Самаре, где жил тогда один из главных искровских агентов в России, друг В. И. Ленина Г. М. Кржижановский.

По поручению самарских искровцев Троцкий побывал в Харькове, Полтаве, Киеве, затем вернулся в Самару и выехал оттуда за границу. Путь его лежал в Лондон, где обосновалась тогда редакция «Искры». Не обошлось и без дорожных приключений. Через русско-австрийскую границу Троцкий перебрался на спине контрабандиста. Оказавшись в Вене без денег, он, не заботясь о соблюдении приличий, явился к руководителю австрийских социал-демократов Виктору Адлеру, который оказал ему необходимую помощь. Затем последовала короткая остановка в Цюрихе, где Троцкий познакомился с членом редакции «Искры» П. Б. Аксельродом. А в конце октября 1902 г. в лондонской квартире, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская, ранним утром раздался неожиданный звонок, и, когда Надежда Константиновна открыла дверь, она увидела молодого человека явно российского вида, который сказал: «Я — Перо».

Ленин встретил Перо — так окрестили русские искровцы Троцкого за его литературные способности — дружелюбно. Он неоднократно беседовал с Троцким, играл с ним в шахматы, показывал достопримечательности британской столицы. Уже 1 ноября 1902 г. в 27-м номере «Искры» появился первый фельетон Троцкого «Бобчинские в оппозиции» и заметка «К 200-летию присоединения Шлиссельбурга». В дальнейшем новый сотрудник «Искры» опубликовал немало статей, посвященных разоблачению зубатовщины, критике эсеров, либералов, анализу внутренней политики царского правительства. Сравнение искровских публикаций Троцкого с более поздними его работами будет не в пользу первых: Троцкий не ставит здесь крупных теоретических вопросов, стиль его

страдает излишней вычурностью, грубоватым юмором. Впрочем, все это можно было списать за счет молодости автора, а если учесть острую нехватку в «Искре» литературных сил, то становится понятно, почему Троцкому авансом раздавали в то время немало комплиментов.

Когда он появился в Лондоне, пик разногласий между Лениным и Плехановым по программным вопросам был уже позади. Однако известная напряженность в отношениях между членами редакции оставалась. В написанных в 1924 г. воспоминаниях «Ленин и старая „Искра“» Троцкий пишет, что для Ленина были характерны бóльшая жесткость и категоричность в определении основных тенденций развития российского капитализма, а также в подходе к процессам концентрации производства и классовой дифференциации, тогда как Плеханов проявлял здесь известную осторожность и предпочитал оперировать словами «более или менее» [8]. Не забывались и яростные споры на заседаниях редакции «Искры», в ходе которых Ленин и Плеханов в полной мере проявляли свои подчас прямо противоположные человеческие и политические качества [9].

С большой теплотой вспоминал Троцкий о В. И. Засулич. Эта героическая женщина, целиком посвятившая себя революции, жила как скромнейшая из студенток. Не остались тайной для Троцкого ни влюбленность Засулич в Плеханова, ни ее редкая психологическая интуиция. В то же время он отмечал ее «расплывчатый радикализм», симпатии к либералам. Высоко ценил Троцкий и П. Б. Аксельрода. Что же касается Г. В. Плеханова, то с ним у Троцкого отношения не сложились с самой первой встречи. Плеханову не понравились развязность молодого сотрудника «Искры», его желание вести разговор на равных, не соблюдая той дистанции, которая должна отделять мэтра от ученика. В свою очередь, Троцкий был разочарован его «изысканнейшей холодностью, на которую он был большой мастер», явным недоверием к молодежи. В дальнейшем к этой личной неприязни, которая стала взаимной, прибавились и разногласия по ряду принципиальных вопросов.

Одновременно с работой в «Искре» Троцкий выступал с рефератами в Брюсселе, Льеже, Париже, в русских студенческих колониях в Швейцарии и Германии. Среднего роста, примерно 170 сантиметров, с густой копной темных вьющихся волос, голубыми глазами, орлиным носом, небольшой мефистофельской бородкой и усами, Троцкий хорошо держался на трибуне, владел всеми приемами ораторского искусства. Он был остроумен, саркастичен, когда речь заходила об идейных противниках марксизма. В то же время бросались в глаза его излишняя самоуверенность, порой даже какая-то надменность, прокурорский тон, легковесность многих суждений. Форма явно первенствовала над содержанием его выступлений, сильными сторонами которых были темперамент, пафос, логика в развитии мысли при явном недостатке ее оригинальности. Не будем забывать, однако, что Троцкому было тогда немногим больше двадцати.

Видимо, не забывал об этом и Ленин, предложивший в начале марта 1903 г. ввести Троцкого в редакционную коллегию «Искры» в качестве седьмого полноправного члена. Человек с недюжинными способностями, убежденный искровец, энергичный, способный идти вперед — так характеризовал Троцкого Ленин в письме к Плеханову [10]. А вот что можно прочитать в письме Ю. О. Мартова П. Б. Аксельроду по тому же вопросу: «Владимир Ильич предлагает нам принять в редакционную комиссию на полных правах известное Вам „Перо“. Его литературные работы обнаруживают несомненное дарование, он вполне „свой“ по направлению, целиком вошел в интересы „Искры“ и пользуется уже здесь (за границей) большим влиянием благодаря *недюжинному ораторскому дарованию*. Говорит он великолепно — лучше не надо. В этом убедились и я, и Владимир Ильич. Знаниями он обладает и усиленно работает над их пополнением. Я безусловно присоединяюсь к предложению Владимира Ильича» [11]. Однако по инициативе Плеханова решение вопроса было отложено на период после II съезда РСДРП, и членом редакционной коллегии «Искры» Троцкий так и не стал.

На II съезде РСДРП (июль—август 1903 г.) Троцкий представлял Сибирский союз РСДРП. В протоколах съезда зафиксировано около 100 выступлений, предложений и отдельных реплик Троцкого, который был одним из самых активных участников партийного форума. Дважды речи Троцкого были встречены аплодисментами делегатов, а это случалось тогда совсем нечасто. По многим вопросам Троцкий защищал линию «Искры» и голосовал вместе с Лениным и Плехановым. Так, он выступил против предложения бундовцев о построении партии на федеративных началах, поддержал в споре с «экономистом» В. Акимовым программное положение о диктату-

ре пролетариата (подчеркнув, однако, что она станет возможна лишь тогда, когда рабочий класс составит большинство нации) [12], солидаризировался с аграрной частью программы, главную роль в составлении которой играл Ленин. Отстаивая необходимость союза пролетариата и крестьянства, Троцкий говорил: «На Западе партия пролетариата выступила тогда, когда революционное крестьянство уже закончило свою роль. У нас положение иное. В наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством — как в интересах крестьянской бедноты, так и в интересах пролетариата... В нашей работе среди крестьянства я бы пожелал нашей партии... дерзости, дерзости и дерзости!» [13]

Однако при обсуждении первого параграфа устава РСДРП Троцкий решительно высказался в поддержку более эластичной и широкой формулировки Мартова, открывавшей двери в партию разного рода неустойчивым, оппортунистическим элементам. Троцкий голосовал против Ленина и при решении вопроса о персональном составе новой редакции «Искры», предложив утвердить без выборов всю прежнюю шестерку редакторов (Ленин, Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Потресов). Что касается выборов ЦК, то в них Троцкий вместе с рядом других делегатов-меньшевиков вообще отказался участвовать. На последних заседаниях съезда он демонстративно ставил свою подпись под проектами резолюций, которые вносили лидеры меньшинства. А на состоявшемся в сентябре 1903 г. фракционном совещании 17 меньшевиков в Женеве Троцкий вместе с Мартовым, Аксельродом, Даном и Потресовым был избран в состав тайного фракционного центра, который должен был возглавить борьбу против большевиков. В антиленинском духе был выдержан и опубликованный в Женеве отчет сибирской делегации на II съезде РСДРП, написанный Троцким.

Позиция Троцкого объяснялась, конечно, не только простой солидарностью с «обиженными» Лениным Засулич и Аксельродом, хотя и этот фактор вряд ли стоит сбрасывать со счетов. Троцкий не принимал ряд положений книги Ленина «Что делать?», высмеивал «организационный фетишизм» большевиков, считал, что они переоценивают роль революционной интеллигенции и не доверяют здоровому классовому инстинкту рабочих, которых стихийно влечет к социализму. Таким образом, налицо было разное понимание соотношения стихийности и сознательности в рабочем движении, организации

профессиональных революционеров и пролетарской массы.

В августе 1904 г. меньшевики издали в Женеве брошюру Троцкого «Наши политические задачи», посвященную автором «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду» (это дало позже основание Сталину заявить, что Троцкому самое время отправиться за границу к своему «дорогому учителю»). Весь пафос брошюры был направлен против организационных принципов большевизма и лично против Ленина, причем Троцкий облек свои нападки на лидера большевиков в столь грубую и оскорбительную форму, что намного превзошел всех других меньшевистских вождей (чего стоит одно только заявление Троцкого о том, что марксизм для Ленина — это не метод научного исследования, а половая тряпка, когда нужно затереть следы; белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие; складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть). Троцкий повторил столь полюбившееся в меньшевистских кругах сравнение Ленина с Робеспьером, предрекал неизбежность установления его личной диктатуры над ЦК партии, всячески принижал значение ленинских теоретических работ.

Справедливости ради нужно сказать, что в брошюре Троцкого был верно подмечен ряд слабых мест в практике социал-демократической работы, в частности в организации массовых политических кампаний, ведении кружковой пропаганды и т. д. Очень актуально звучат сегодня и мысли Троцкого о соревновании разных методов экономического и политического строительства при социализме, о необходимости споров и борьбы мнений для выработки правильного курса партии. Но все это отступало на задний план перед неприкрытой тенденциозностью и безмерной амбициозностью автора «Наших политических задач».

В большевистский период своей деятельности Троцкий не любил вспоминать это свое произведение. А незадолго до смерти в оставшейся незавершенной книге о Сталине он прямо написал, что прогноз, данный им в брошюре «Наши политические задачи», не отличался той исторической глубиной, которую ему неосновательно потом приписали. Организационная политика Ленина, продолжал Троцкий, вовсе не представляла собой одной прямой линии. Ленину в дальнейшем не раз приходилось давать отпор излишнему централизму в партии и апел-

лировать к ее «низам» против «верхов», так что в конце концов, несмотря на колебания в ту или иную сторону, большевистская партия сохраняла необходимое равновесие элементов демократии и централизма [14]. К этому следует добавить, что, вступив в 1917 г. в эту партию, сам Троцкий олицетворял в ее руководящем ядре, особенно на первых порах, не столько демократическую, сколько централистскую тенденцию партийного развития.

Отношения Троцкого с меньшевиками тоже складывались достаточно сложно. Немалую роль играло здесь то обстоятельство, что в меньшевистской элите, где царили Плеханов, Мартов, Аксельрод, Дан, молодой Троцкий чувствовал себя довольно неуютно. Но нужно учитывать и то, что его раздражали политическая дряблость меньшевистской интеллигенции, ее тяготение к экономическому фатализму, стремление «не оттолкнуть» от революции либералов.

Весной 1904 г. на пути Троцкого снова встал Плеханов, который без обиняков заявил Мартову: «Я не могу быть в коллегии, которая систематически пропускает статьи сотрудника (Троцкого.— *С. Т.*), который... вреден, понижает своими писаниями литературный уровень „Искры“». При этом Плеханов поставил вопрос ультимативно: или статьи Троцкого перестанут печатать в «Искре», или Плеханов выйдет из состава ее редакции, ибо для него «морально невозможно работать при сотрудничестве Троцкого» [15]. И хотя Мартов и другие редакторы «Искры» относились к Троцкому вполне положительно, авторитетное мнение Плеханова перевесило и Троцкому пришлось на время расстаться с «Искрой» и покинуть Женеву.

Он много ездит по Европе, устраивает свою личную жизнь (его второй женой становится Н. И. Седова, которая во время учебы за границей примкнула к искровцам и с которой Троцкий познакомился еще во время своего первого визита в Париж). В 1904 г. происходит также сближение Троцкого с Парвусом (А. Л. Гельфандом) — выходцем из России, занимавшим видное место на левом фланге германской социал-демократии и поддерживавшим тесные связи с РСДРП. Парвус считался в социал-демократических кругах видным специалистом по вопросам мировой экономики и политики, финансовым проблемам, неплохо знал ситуацию в России. Беседы с Парвусом в Мюнхене произвели на Троцкого большое

впечатление и стали исходным моментом для выработки знаменитой теории «перманентной революции».

В конце сентября 1904 г. Троцкий направил в редакцию «Искры» «Открытое письмо к товарищам». Он выступает здесь за объединение с примиренчески настроенным ЦК РСДРП, действовавшим в России, констатирует дезорганизующее воздействие партийного раскола на самих меньшевиков, жалуется на то, что его слишком связывает тактическая линия «Искры». Троцкий критикует меньшевиков за их беспринципные, как ему представляется, заигрывания с либералами, высмеивает план так называемой земской кампании, предложенный П. Б. Аксельродом. Больше того, Троцкий пригрозил даже выходом из рядов меньшевиков. Письмо обсуждалось в Женеве на двух меньшевистских собраниях с участием Мартова, Засулич, Дана, самого Троцкого и других лиц, после чего был достигнут компромисс, позволивший ему возобновить сотрудничество в «Искре» (№ 75). 20 октября 1904 г. Мартов пишет Аксельроду: «С Троцким после очень бурной переписки, которая — если бы дать ему волю — кончилась бы полным разрывом моих с ним отношений, наступило „успокоение“: он начал даже писать для „Искры“ и, видимо, „смягчился“» [16].

Центристская тактика лавирования между большевиками и меньшевиками при явном стремлении прежде всего поднять собственную роль в партийных делах стала на многие годы основной политической линией Троцкого, вызывая, естественно, в ответ резкую критику со стороны большевиков. Так, Н. Валентинов (Вольский), который в 1904 г. поддерживал тесный контакт с Лениным, а затем ушел к меньшевикам, вспоминал, что Ленин сравнивал Троцкого с щедринским Балалайкиным и тургеневским Ворошиловым из повести «Дым», к которому он относился крайне отрицательно. На замечание Валентинова, что Троцкий — хороший оратор (1 мая 1904 г. он удачно выступил, например, на митинге в Женеве), Ленин ответил: все Ворошиловы и Балалайкины — ораторы. «В эту категорию,— продолжал он,— входят недоучившиеся краснобаи-семинаристы, болтающие о марксизме приват-доценты и паскудничающие адвокаты. У Троцкого есть частица от всех этих категорий» [17].

Между тем в России назревали события поистине исторического значения. 9 января 1905 г. здесь началась революция. Известия о Кровавом воскресенье застали

Ленина, Плеханова и Троцкого в Женеве. Будучи своего рода «вольным стрелком», не связанным выполнением каких-либо постоянных обязанностей в партийных органах, Троцкий решил первым двинуться на родину (Засулич, Мартов, Ленин, Аксельрод приехали в Россию только после издания манифеста 17 октября). По дороге в Россию он сделал кратковременную остановку в Мюнхене, где показал Парвусу корректуру написанной им незадолго до этого брошюры «До 9 января», к которой его немецкий друг тут же написал предисловие в духе теории «перманентной революции». Брошюра Троцкого с предисловием Парвуса была издана меньшевиками и стала одним из первых откликов российских социал-демократов на начавшуюся революцию.

В феврале 1905 г. Троцкий с фальшивым паспортом на имя отставного прапорщика Арбузова появился в Киеве. Ему приходилось часто менять квартиры, а одно время даже скрываться под видом больного в глазной клинике. Троцкий быстро установил контакт как с киевскими меньшевиками, так и с членом ЦК РСДРП инженером Л. Б. Красиным. Чтобы разобраться в природе их отношений в то время, следует учитывать, что в начале 1905 г. Красин был настроен по отношению к Ленину довольно критически. Ему казалось, что Ленин своей непримиримостью к меньшевикам мешает единству партии (достаточно сказать, что в феврале 1905 г. на состоявшемся на квартире известного писателя Леонида Андреева заседании ЦК РСДРП, где преобладали единомышленники Красина, было принято решение об исключении Ленина из состава ЦК и Совета партии). В дальнейшем Красин изменил курс и стал одним из ближайших сотрудников Ленина, отвечавшим в ЦК за транспортировку из-за границы оружия и литературы, подготовку и вооружение боевых дружин, проведение так называемых «экспроприаций» и т. д. В связи с острой нехваткой кадров он поручил Троцкому составление революционных прокламаций, печатавшихся затем от имени ЦК РСДРП в знаменитой подпольной типографии «Нина», находившейся в Баку. Среди написанных Троцким листовок были, в частности, и воззвания к крестьянам с призывом поддержать братьев-рабочих.

В начале марта 1905 г. Троцкий участвует в работе меньшевистской Агитационной комиссии в Петербурге, куда он перебрался вместе с Н. И. Седовой из Киева. В столице «Петр Петрович (так называли тогда Троцкого в социал-демократическом подполье) продолжает параллельное сотрудничество и с меньшевиками, и с Л. Б. Красиным, который, кстати говоря, устроил его на квартиру к петербургскому военному врачу А. А. Литкенсу. Как вспоминал позже брат Мартова С. О. Цедербаум, Троцкий не входил формально в состав петербургской меньшевистской группы, но находился с ней в постоянном контакте и много писал для меньшевиков[18] (в сочинения Троцкого, издававшиеся в СССР в 20-е годы, включен ряд листовок, написанных им в 1905 г. в Петербурге). При этом в противовес официальной линии меньшевистской «Искры», редакция которой предостерегала социал-демократов от участия во Временном революционном правительстве, если оно будет создано, Троцкий вслед за Парвусом был горячим сторонником такого участия и немало преуспел в «совращении» столичных меньшевиков на этот «крамольный» путь. Однако вскоре последовал строгий окрик из Женевы, где находилась редакция новой «Искры», и отношения столичных меньшевиков с Троцким заметно охладели. Недаром в вышедшем из печати в 1907 г. сборнике «В защиту партии» Троцкий напомнил Ю. Ларину, работавшему тогда в петербургской меньшевистской организации, как он и его товарищи «выпирали» Троцкого из своего кружка. Отходу Троцкого от меньшевиков невольно помог и провал их организации в Петербурге в результате провокации. В итоге летом 1905 г. Троцкий поселился в Финляндии, которая была тогда частью Российской империи, но находилась на особом положении, что выражалось, в частности, и в более мягком, чем в других районах страны, полицейском режиме. Что касается Н. И. Седовой, то она была арестована во время первомайской маевки и выслана за пределы Петербурга.

Как известно, к весне 1905 г. большевики и меньшевики в основном определили свои тактические линии в начавшейся буржуазно-демократической революции, закрепленные в решениях III съезда РСДРП и Женевской конференции меньшевиков. Как же выглядели в контексте этих решений взгляды Троцкого? Уже в брошюре «До 9 января» и опубликованных в марте в «Искре» «Политических письмах» он подчеркивал, что начавшаяся революция окончательно сдала в архив российский либерализм и только выступление пролетариата во главе народных масс может спасти Россию. По мнению Троцкого, страна неудержимо идет к всероссийскому воо-

руженному восстанию, которое должно произойти в ближайшие месяцы, а может быть, и недели. Организация такого восстания, вооружение народа — вот основная задача социал-демократии. При этом Троцкий довольно метко схватил основную тенденцию развития вооруженных форм борьбы пролетариата в современную эпоху — переход от традиционной в XIX в. баррикадной тактики к боям партизанского характера.

Результатом победоносного восстания — и на этом делали особое ударение Парвус и Троцкий — должно явиться создание Временного революционного правительства, в составе которого будут преобладать те, кто руководил пролетариатом, т. е. социал-демократы. Приветствовал Троцкий и растущее в стране крестьянское движение, хотя и отводил ему по сравнению с пролетариатом роль вспомогательной революционной силы (в этих вопросах Троцкий шел в основном в русле меньшевистских идей, хотя и здесь его позиция была предпочтительней).

Как известно, большевики тоже выдвигали лозунг Временного революционного правительства, но были убеждены, что социал-демократы не смогут (да и не должны стремиться) быть там в большинстве, поскольку пролетариат составляет в России по сравнению с крестьянством явное меньшинство. Не случайно Л. Б. Красин, приехавший на большевистский съезд в Лондон с тезисами Троцкого о Временном революционном правительстве, опустил в своей речи пункт о преобладании в нем социал-демократов. Выступление Красина было сочувственно встречено Лениным, подчеркивавшим возможность участия РСДРП во Временном революционном правительстве, но предостерегавшим партию от любых заранее заданных жестких схем и «гегемонистских» увлечений.

В организационных вопросах Троцкий выступал за скорейшее объединение большевиков и меньшевиков, которое отвечало бы и желаниям рабочих. Определенные пожелания в этом направлении высказывались как на III съезде РСДРП, так и на меньшевистской конференции в Женеве, но на практические рельсы объединительное движение встало лишь в период высшего подъема революции, когда различия между обеими фракциями российской социал-демократии на время заметно сократились.

В 1905 г. у Троцкого складывается в общих чертах и концепция «перманентной революции» — его любимое

теоретическое детище, которое он бережно лелеял до конца своей жизни. Троцкий был убежден, что с разрывом в 12 лет жизнь подтвердила в 1917 г. его взгляды на ход российского и мирового революционного процесса, оформившиеся в 1905 г. В ходе дискуссий со Сталиным в 20-е годы он также подчеркивал, что у него нет никаких оснований отрекаться от того, что он писал и говорил в 1905—1907 гг. Наконец, в 1930 г., уже находясь за пределами СССР, Троцкий издал книгу «Перманентная революция», посвященную обоснованию его взглядов по этому вопросу. При этом он сделал особый акцент на близости теории «перманентной революции» к ленинской концепции революции, сопроводив, однако, этот тезис очень важным признанием: «Почти во всех тех случаях, по крайней мере во всех важнейших, где я тактически или организационно противопоставлял себя Ленину, правота была на его стороне» [19].

Общеизвестно, что идея непрерывной (перманентной) революции была впервые выдвинута Марксом и Энгельсом еще в середине прошлого века на основе анализа событий 1848—1849 гг. в Германии. «...Наши интересы и наши задачи,— писали они в марте 1850 г.,— заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти» [20]. В 1904—1905 гг. о «перманентной революции» как о наиболее желательном варианте развития революционных событий в России писал К. Каутский, а затем мы встречаем этот лозунг в работах Ф. Меринга, Р. Люксембург, В. И. Ленина [21].

Парвус и Троцкий дали идее непрерывной революции свою собственную, оригинальную интерпретацию, далеко не во всем следуя за Марксом и Энгельсом. При этом Троцкий придал мыслям Парвуса логически завершенную, универсальную форму, подчеркнул фактор всемирности революционного процесса в эпоху империализма, протянул ниточку преемственности от первых демократических преобразований победившего пролетариата до построения коммунистического общества. Сам Троцкий выразил в 1930 г. суть концепции «перманентной революции» так: «Перманентная революция в том смысле, какой Маркс дал этому понятию, значит революция, не мирящаяся ни с одной из форм классового господства, не останавливающаяся на демократическом этапе, переходящая к социалистическим мероприятиям и к войне против внешней

реакции, революция, каждый последующий этап которой заложен в предыдущем и которая может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества»[22]. Исходя из этого, Троцкий подчеркивал, что революционный процесс развивается непрерывно: сначала путем перехода от демократического этапа революции к социалистическому, затем в рамках этого последнего внутри каждой данной страны и, наконец, на международной арене, ибо «сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза»[23].

Возвращаясь в 1922 г. к событиям первой российской революции, Троцкий вспоминал: «Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории „перманентной революции". Мудреное название это выражает ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мирового революционного пролетариата»[24].

Эта длинная цитата понадобилась нам потому, что начиная с 20-х годов теорию «перманентной революции» часто толковали крайне произвольно, допуская многочисленные передержки, а то и прямую фальсификацию взглядов Троцкого. Мы не стали бы, например, слишком резко и прямолинейно противопоставлять сегодня взгляды Троцкого и Ленина в 1905 г., хотя они действительно во многом по-разному понимали природу русской революции и далеко не одинаково оценивали ее движущие силы, прежде всего крестьянство. Между тем подобные противопоставления красной нитью проходят через всю нашу историческую и особенно историко-партийную литературу, в которой троцкизм рассматривался как злейший враг ленинизма, разновидность меньшевизма и т. п. Думается, что время все расставит на свои места, и тогда мы будем объективно отмечать не только различия, но и черты сходства во взглядах Ленина и Троцкого в 1905—1907 гг. Достаточно напомнить хотя бы о знаменитом ленинском фрагменте «Этапы, направления и перспективы революции» (конец 1905 — начало 1906 г.), ряд положений которого прямо перекликается с соответствующими взглядами Троцкого. Так, например, Ленин писал о том, что после установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства часть последнего (вся зажиточная и изрядная доля среднего) повернет против революции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей рабочим. Борьба пролетариата за сохранение демократических завоеваний, продолжал Ленин, «была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1848—1850 гг., как поражение французского пролетариата в 1871 г., *если бы* на помощь российскому пролетариату не пришел *европейский социалистический пролетариат*... Европейские рабочие покажут нам, „как это делается", и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот»[25].

Но различия между Троцким и Лениным действительно были, хотя и не всегда там, где их искали прежде. Несмотря на то что Ленин сознательно не шел на конкретизацию своих представлений о сроках демократического этапа революции в России, не подлежит сомнению, что Троцкий намного превосходил его в стремлении уплотнить и сжать этот этап во времени, предполагая при этом решать задачи буржуазного переворота в основном силами рабочих, а не всего народа во главе с пролетариатом. Не отрицая большого значения аграрного вопроса в такой крестьянской стране, как Россия, Троцкий тем не менее считал главной ареной революции город. Что касается роли крестьянства в революции, то Троцкий оценивал ее намного скромнее, чем Ленин. «История не может вверить мужику задачу раскрепощения буржуазной нации,— писал Троцкий.— Вследствие своей разбро-

санности, политической отсталости и в особенности вследствие расчленяющих крестьянство глубоких внутренних противоречий, из которых нет выхода в рамках капиталистического строя, крестьянство способно только нанести старому порядку несколько сильных ударов с тыла: с одной стороны, стихийными восстаниями деревни, вызывающими замешательство и панику, с другой — внесением недовольства в армию». Решающие же события революции произойдут в городах [26]. Одновременно Троцкий заранее драматизировал противоречия между крестьянами и рабочими, фактически отводя российской деревне ту же роль, которую сыграла Вандея в Великой французской революции конца XVIII в. При этом он ничего не говорил об огромной массе беднейшего крестьянства и сельского пролетариата, которая могла стать союзником пролетариата в социалистической революции, а также о возможности нейтрализации неизбежных колебаний крестьянина-середняка.

В то же время, выдавая желаемое за действительное, Троцкий явно ускорял в своем разгоряченном воображении ход мирового революционного процесса и преувеличивал возможности политической и экономической помощи, которую могла бы получить революционная Россия от победившего западноевропейского пролетариата. Впрочем, подобные иллюзии разделяли тогда многие революционеры, в том числе и большевики.

Теория «перманентной революции» неотделима от взглядов Троцкого на особенности русского исторического процесса. Он видел их в страшной отсталости России, огромной относительной самостоятельности и независимости самодержавия от господствующих классов, неразвитости средней и мелкой городской буржуазии, засилии иностранного капитала, постоянном вмешательстве государства во все стороны экономической и общественной жизни страны. В итоге Троцкий приходил к выводу, что на политической арене России действуют лишь две главные силы: самодержавие и пролетариат. Что же касается так называемых промежуточных слоев, то им в схеме Троцкого отводилась сугубо служебная, вспомогательная роль. Не случайно, отвергая ленинский лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, он заменял его гораздо более жесткой и вместе с тем неопределенной формулой: диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство. Троцкий допускал, что российский пролетариат может проиграть

свой первый бой с царизмом, но видел единственный путь к спасению России в прорыве рабочего класса к власти внутри страны и в мировой пролетарской революции.

При этом Троцкий был убежден в том, что стоит только пролетариату оказаться у власти, как неумолимая логика классовой борьбы толкнет его на путь экспроприации фабрик и заводов и введения на них, по крайней мере на крупнейших, государственного или коммунального производства. В этом он видел естественный ответ рабочих на саботаж капиталистов, применение ими локаутов, отказ буржуазии ввести 8-часовой рабочий день и т. д. Вслед за этим должны были последовать конфликты рабочих с крестьянством, которое глубоко проникнуто частнособственнической психологией, а дальше недалеко уже было и до гражданской войны. Таким образом, считал Троцкий, если даже Ленину и удастся создать широкое коалиционное правительство из крестьян и рабочих в духе революционно-демократической диктатуры этих двух классов, долго их сотрудничество продолжаться не сможет: либо крестьянская партия усмирит рабочих, либо рабочие устранят эту партию от власти [27].

Многое из этих прогнозов, хотя и с известными модификациями, сбылось в 1917—1921 гг. Достаточно напомнить здесь о разрыве большевиков с их партнерами по правительственной коалиции — левыми эсерами, переходе к продразверстке, крестьянских мятежах против Советской власти. Однако жизнь доказала, что пролетарская диктатура в Советской России оказалась и сильнее, и прочнее, чем это виделось Троцкому в годы первой российской революции.

Трудно сказать, как пошли бы события в 1905—1907 гг. в случае победы народного восстания. Об этом мы можем сегодня только гадать. Наверное, реальная действительность скорректировала бы и планы Ленина и в еще большей степени прогнозы Троцкого. Кстати говоря, в конце 1905 — начале 1906 г. Ленин был не склонен слишком критиковать Троцкого за его «перманентную революцию»: достаточно привести здесь одно его высказывание из работы «Победа кадетов и задачи рабочей партии», написанной весной 1906 г., где сравниваются взгляды редакции меньшевистской газеты «Начало» (она издавалась в конце 1905 г. при активном участии Троцкого) и большевистской «Нашей жизни» (ее редактировал Ленин). Первая, по словам Ленина, склонялась к

диктатуре пролетариата, вторая стояла на точке зрения диктатуры пролетариата и крестьянства. «Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой европейской социалистической партии?» — задавал риторический вопрос Владимир Ильич [28].

В дальнейшем, по мере обострения разногласий с Троцким по другим вопросам, менялись и ленинские оценки теории «перманентной революции»: Ленин называет ее «несуразно левой», подчеркивает стремление Троцкого соединить характерный для большевиков призыв к решительной борьбе пролетариата и типичное для меньшевиков «отрицание» (Ленин берет это слово в кавычки, видимо, подчеркивая, что его не нужно понимать слишком буквально) роли крестьянства [29]. В 1918 г., уже работая вместе в руководящем штабе большевистской партии, Ленин и Троцкий однажды вернулись к вопросу о «перманентной революции». Троцкий самоуверенно настаивал на своей правоте. Ленин, как явствует из неопубликованных воспоминаний Троцкого, не желая, видимо, возвращаться к старым разногласиям, во многом снятым самой жизнью, тем не менее сказал: «Все равно тогда (в 1905 г.— *С. Т.*) рано было. Эти 12 лет подготовки (имеется в виду время между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России и период от февраля к октябрю 1917 г.— *С. Т.*) многое изменили» [30]. И с этой ленинской оценкой трудно не согласиться.

В 1905—1907 гг. не осуществились ни планы большевиков, ни замыслы меньшевиков, не говоря уже о теории «перманентной революции» Троцкого. Слишком сильно еще было царское самодержавие, тогда как силы революционного лагеря оказались, к сожалению, недостаточно сплоченными. Медленно преодолевались парламентские иллюзии и культ легализма у западного пролетариата. Вот почему к «троцкизму» (этот термин ввел в оборот лидер кадетов П. Н. Милюков) даже не относились тогда как к чему-то серьезному ни в революционной, ни тем более в либеральной среде [31]. Почти исчезло с лета 1905 г. имя Троцкого и со страниц большевистской периодики. Несмотря на все различия между взглядами Ленина и Троцкого, они представляли тогда вместе с Розой Люксембург наиболее радикальную струю в РСДРП. Кроме того, в период высшего подъема революции Троцкий прочно связал себя с самой популярной

тогда массовой революционной организацией — Петербургским Советом рабочих депутатов, где он сыграл очень видную, а в ряде отношений и руководящую роль.

Всероссийская октябрьская политическая стачка, включившая в орбиту своего влияния около 2 млн человек, в том числе весь цвет пролетариата и интеллигенции, заставила Троцкого быстро приехать из Финляндии в Петербург. В голове у него уже зрел план создания выборного рабочего органа по образцу комиссии Шидловского, которую царские власти предполагали учредить после событий 9 января 1905 г. для восстановления социального мира в стране. Но, когда Троцкий изложил свои соображения меньшевику Н. И. Иорданскому, тот сообщил ему, что в Петербурге уже возник Совет рабочих депутатов, буквально на глазах становившийся центром притяжения всех демократических сил столицы. При этом меньшевики рассматривали новую организацию как практическую реализацию их идеи «революционного самоуправления».

Сам тип «советской» организации был уже не нов тогда для России: весной 1905 г. были созданы первые выборные организации от рабочих на Урале, летом успешно действовали Советы рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске и Костроме. Но возникновение Совета в столице империи имело особое значение, ибо при оптимальном варианте развития событий он мог стать сначала вторым, действующим параллельно с официальным, а в случае победы народного восстания и единственным правительством страны. Немало мог сделать Совет для революции и в качестве руководящего центра массовой политической стачки столичного пролетариата, на практике закрепив ведущее положение рабочих в революционной борьбе. К тому же Совет был прекрасной агитационной трибуной, мимо которой просто не мог пройти такой человек, как Троцкий. И пока петербургские большевики, например член ЦК РСДРП А. А. Богданов, еще только приглядывались к новой организации, прикидывая, не будет ли она конкурентом РСДРП, меньшевики и Троцкий, не теряя времени, приступили к практической работе в Совете.

Первым председателем Петербургского Совета, правда всего на один день, стал меньшевик Саул Зборовский. Затем его сменил на этом посту беспартийный присяжный поверенный Г. С. Хрусталев-Носарь, вскоре примкнувший, однако, к меньшевикам, а после его ареста

26 ноября возникло нечто вроде триумвирата — президиум в составе меньшевиков Д. Ф. Сверчкова и П. А. Злыднева (первый был конторским служащим, второй — рабочим), а также внефракционного социал-демократа Л. Д. Троцкого. Последний работал в Совете под именем Яновского, поскольку был родом из деревни Яновка. До этого он формально был лишь членом исполкома Совета и даже не имел там решающего голоса, ибо официальные представители революционных партий пользовались в Совете лишь правом совещательного голоса. Однако реальная его роль в Совете была неизмеримо важнее: он являлся автором основных резолюций и докладчиком по важнейшим пунктам повестки дня, самым популярным оратором и редактором «Известий Петербургского Совета рабочих депутатов». В то время как Ленин, который вернулся 8 ноября в Петербург, продолжал оставаться в подполье, Троцкий постоянно был на виду, набирая очки в негласном соревновании за лидерство и популярность в рабочей среде. Не случайно 27 ноября во время выборов президиума Совета он получил более 300 голосов, Сверчков и Злыднев — примерно по 280, большевик Кнунянц — более 200, а один из эсеровских лидеров, Авксентьев,— лишь 75, причем ни Кнунянц, ни Авксентьев в состав президиума не вошли [32].

А. В. Луначарский, находившийся в то время в Петербурге и часто общавшийся с В. И. Лениным, вспоминал: «Я помню, как кто-то сказал при Ленине: „Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете — Троцкий“». Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом сказал: «Что же, Троцкий завоевал это своей неустанной и яркой работой» [33].

Он появился впервые на третьем заседании Совета 15 октября. Эту дату отметил Троцкий на полях текста обвинительного заключения по делу Петербургского Совета, готовясь в 1906 г. к выступлению на суде. 17 октября, в день, когда под напором революции Николай II издал манифест с обещанием демократических свобод, Троцкий стал членом исполкома Совета. Большой популярностью пользовалась в те дни оценка манифеста, данная им в третьем номере «Известий Петербургского Совета рабочих депутатов»: «И вот конституция дана! — писал он.— Дана свобода собраний, но собрания оцепляются войском. Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной. Дана свобода науки, но университеты заняты солдатами. Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными. Дан Витте, но оставлен Трепов. Дана конституция, но оставлено самодержавие. Все дано — и не дано ничего. Жалкие, лживые обещания даны с наглым расчетом обмануть народ. Ни злодейский приказ „Не жалеть патронов“, ни предательский манифест 17 октября не могут изменить тактику пролетариата. Чего не даст стачка, то будет добыто вооруженным восстанием. Пролетариат бодро и уверенно встречает грядущий день. Могут ли это о себе сказать г. Витте или его жалкий хозяин?»

18 октября Петербург бурлил, обсуждая царский манифест. Рабочие и студенты решили провести демонстрацию, чтобы выразить свою радость по поводу первой серьезной победы народа и вместе с тем заявить о необходимости продолжения борьбы. Их представители явились в Совет с просьбой выделить руководителей демонстрации, которыми стали Троцкий, большевик Кнунянц и Хрусталев-Носарь. В ходе этой манифестации проходили летучие народные митинги. На одном из них с балкона университета выступил Троцкий, закончивший свою речь эффектным театральным жестом, вполне отвечавшим настроению толпы: он разорвал текст царского манифеста на мелкие клочки и эти парящие в воздухе обрывки призрачной «конституции» символизировали не только бумажный характер этого акта Николая II, не только законное недоверие к царю-убийце, но и мощь народа, который незримо стоял в ту минуту за спиной оратора.

А как пригодился рабочим сарказм Троцкого, когда в ответ на телеграмму председателя Совета министров Витте к «братцам-рабочим» он ответил находившемуся в апогее славы царскому сановнику, мечтавшему об «умиротворении» России, что рабочие ни в каком родстве с графом не состоят и «мириться» с ним не желают. Запомнилась членам Совета и приветственная речь Троцкого, обращенная к посетившим Совет 29 октября В. И. Засулич и Л. Г. Дейчу — ветеранам революционного движения в России, членам группы «Освобождение труда», которые на протяжении многих лет вместе с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом идейно руководили зарождавшейся российской социал-демократией. Не менее эффектным было рукопожатие, которым обменялся Троцкий с одним из руководителей Всероссийского крестьянского союза, Мазуренко, в знак великого революционного

союза рабочих и крестьян. А чего стоил краткий, но выразительный текст резолюции Петербургского Совета по поводу ареста его председателя Хрусталева-Носаря, тоже написанный Троцким: «26 ноября царским правительством взят в плен председатель Совета рабочих депутатов т. Хрусталев-Носарь. Совет рабочих депутатов выбирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию».

Троцкий принимал участие почти во всех крупнейших акциях Петербургского Совета той поры: кампании за установление явочным порядком 8-часового рабочего дня, проведении ноябрьской забастовки в защиту кронштадтских моряков и в знак протеста против введения военного положения в Польше, борьбе с объявленным петербургскими заводчиками и фабрикантами локаутом и т. д.

Бесспорно, к Петербургскому Совету рабочих депутатов, в котором было свыше 560 представителей петербургских рабочих, а также части служащих, можно предъявить задним числом немало претензий. Главная из них состоит в увлечении его руководителей чисто агитационной стороной дела в ущерб целенаправленной организационно-технической работе по подготовке вооруженного восстания. Действительно. Петербургский Совет, как и другие Советы, в том числе и действовавшие под руководством большевиков, не сделал всего, что он мог, для подготовки рабочих к решающим боям с самодержавием. Техническая работа по вооружению пролетариата и обучению рабочих боевых дружин основам военного дела шла в основном по линии революционных партий, главным образом большевиков и эсеров, а также за счет усилий самой пролетарской массы, которая по мере возможности запасалась оружием. Совет же в основном лишь пропагандировал и, так сказать, санкционировал идею восстания, хотя и это тоже имело немаловажное значение. Однако адресовать этот упрек лично Троцкому было бы, вероятно, не совсем справедливо. Конечно, захлестнутый бурным потоком событий, он не уделял технике восстания должного внимания. Но главное объяснение того факта, что в декабре 1905 г. революционный Петербург не поддержал восстанием истекавшую кровью Москву, следует все-таки искать не в тех или иных качествах руководителей Петербургского Совета (кстати говоря, помимо них, были еще и руководители революционных партий, в том числе ЦК большевиков), а в ре-

альном соотношении сил, которое сложилось в столице к концу 1905 г. Мы имеем в виду усталость петербургских рабочих от более чем десятимесячной, почти непрерывной забастовочной борьбы с царизмом и буржуазией, сосредоточение здесь крупных военных и полицейских сил и т. д., на фоне которых деятельность Троцкого, арестованного к тому же еще до начала Московского вооруженного восстания, не могла иметь решающего значения.

Параллельно с работой в Совете Троцкий и приехавший в Петербург Парвус стали издавать «Русскую газету», тираж которой сразу подскочил с 30 тыс. до 100 с лишним тыс. экз., а с середины ноября и до ареста фактически определяли политическую линию легальной меньшевистской газеты «Начало», где сотрудничали также Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, Ф. И. Дан и другие видные публицисты меньшевистского крыла РСДРП. «„Начало“ помчало»,— говорили тогда в большевистских кругах, читая ультралевые статьи с непривычной в устах меньшевиков критикой в адрес либералов и призывами углубить и без того бурно развивавшуюся революцию. Приехавший в Петербург Мартов констатировал: идейное влияние социал-демократии так велико, что «захват власти» революционерами начинает казаться почти неизбежным [34]. Меньшевики на глазах левели, и, видимо, не случайно Парвус и Троцкий получили возможность печатать свои статьи в «Начале» без всякой редакционной правки и традиционных примечаний о несовпадении их взглядов с взглядами остальных членов редакции.

Между тем события в Петербурге быстро приближались к развязке. Последней каплей, переполнившей чашу терпения правительства, стал финансовый манифест, принятый Петербургским Советом рабочих депутатов, Всероссийским крестьянским союзом и революционными партиями, призвавшими народ всеми доступными ему средствами — путем отказа от уплаты налогов, изъятия вкладов из сберегательных касс, предъявления требования выплаты заработной платы звонкой монетой — ослаблять экономическую мощь господствующих классов и верховной власти. В ответ правительство закрыло демократические газеты, опубликовавшие 2 декабря этот вызывающий документ, а на следующий день арестовало большую группу руководителей Совета во главе с Троцким.

В 4 часа дня 3 декабря в Помпейском зале здания Вольного экономического общества, где с 17 октября ре-

гулярно происходили заседания Совета, собрались члены его исполкома. Большевики предложили немедленно объявить в столице всеобщую политическую стачку в знак протеста против наступления правительства на права народа, имея в виду перевести ее в дальнейшем в вооруженное восстание. Их предложение было поддержано рабочими депутатами от Василеостровского и Московского районов Петербурга, а также представителем Почтово-телеграфного союза. Однако Троцкий считал, что восстание должно начаться не в столице, где соотношение сил складывалось явно не в пользу рабочих, а где-нибудь в провинции [35]. В ходе дискуссии было получено сообщение, что властями уже отдан приказ об аресте руководителей Совета, однако Троцкий предложил продолжить заседание.

Существует версия, согласно которой Троцкий в преддверии вооруженного восстания решил «пересидеть» в тюрьме тревожное время, чтобы избежать опасности. То же самое он якобы проделал и в июльские дни 1917 г. Действительно, при желании Троцкий, видимо, мог 3 декабря 1905 г. ускользнуть от полиции, но он решил — и его поддержали в этом другие члены Совета — сделать иначе. Замысел Троцкого состоял в том, чтобы использовать свой арест, как и предшествовавший ему арест Хрусталева-Носаря, в качестве дополнительного фактора революционизирования рабочих, а суд над лидерами Совета превратить в трибуну для обличения царского правительства. Зная характер Троцкого, который всегда любил играть на публику, следует признать такую версию более правдоподобной, чем неубедительные намеки на его личную трусость. Кстати говоря, в первый момент участники заседания даже склонялись к тому, чтобы устроить перестрелку с полицией прямо в здании Вольного экономического общества (заметим, что у многих из них было оружие). Однако, трезво взвесив свои возможности и приняв во внимание некоторые конструктивные особенности зала — в нем слишком много окон и слишком мало «мертвого пространства», которое можно было бы использовать для укрытия от огня, члены исполкома Совета решили сдаться без боя, подчеркнув тем самым мирный характер своей деятельности.

Для проведения карательной акции были мобилизованы 10 гвардейских рот и многочисленные полицейские силы. Когда полицмейстер с несколькими охранниками появился в Помпейском зале, заседание было в разгаре.

Услышав слова полицмейстера: «Согласно распоряжению министра...» — Троцкий резко оборвал его и заявил: «Прошу не мешать говорить оратору. Если вы хотите получить слово, попросите его у меня, и я поставлю вопрос на обсуждение собрания, которое захочет или не захочет вас выслушать». После этого он попросил находившегося на трибуне члена исполкома Совета продолжить свое выступление. Лишь после того как его речь была закончена, Троцкий с согласия присутствующих предоставил слово полицмейстеру, который и зачитал приказ об аресте.

После этого произошло самое интересное: Троцкий предложил принять заявление полицмейстера к сведению и продолжить заседание. Как пишет в своих воспоминаниях Д. Ф. Сверчков, по лицу полицейского чина можно было видеть, что ничего подобного в его многолетней практике не было. «Позвольте!» — начал он было, обращаясь к Троцкому, но в ответ услышал: «Прошу вас не мешать нам! Я дал вам слово, вы сделали сообщение, которое нами принято к сведению. Желает ли собрание вести дальнейший разговор с полицейским?» Все участники заседания ответили отрицательно. «Прошу вас удалиться»,— обратился Троцкий к полицмейстеру, и тот, обескураженно разведя руками и постояв еще несколько минут, вышел из зала. Эта пауза была использована революционерами для уничтожения компрометирующих их документов и приведения в негодность оружия. После этого в зале вновь появились полицмейстер в сопровождении офицера-преображенца и отряда солдат. Однако даже в их присутствии успел еще выступить меньшевик Вайнштейн, обратившийся к солдатам с призывом встать на сторону народа. Наконец, в зал вошла шеренга городовых, и только после этого Троцкий объявил заседание закрытым, а полиция приступила к процедуре ареста и обыска [36].

Сегодня вся эта сцена может показаться кому-то опереточной, но у нас нет оснований ставить под сомнение ее описание. Больше того, она свидетельствовала не только о растерянности царских властей, но и о том большом авторитете, которым пользовались депутаты Совета у рабочих и других слоев трудового населения столицы и с которым не могли не считаться даже полицейские чины.

Поскольку к тому времени в здании находились уже и многие рядовые члены Совета, а также посторонняя публика, общее число арестованных дошло до 267. Троцкий попал сначала в Кресты, затем был переведен в Петропавловскую крепость, а в апреле 1906 г. в Дом предва-

рительного заключения, где стал старостой на этаже — факт тоже знаменательный, ибо политические заключенные выбирали в старосты лишь людей уважаемых и морально чистых. Что касается Петербургского Совета, то избежавшие 3 декабря ареста его члены во главе с Парвусом пытались продолжить работу, но ощутимых результатов их попытки не принесли. В начале января 1906 г. Совет прекратил свое существование, а через некоторое время был арестован и Парвус.

Благодаря сохранявшейся в стране революционной атмосфере и огромной популярности Петербургского Совета в народных массах условия тюремного заключения были для Троцкого и его товарищей довольно мягкими. Троцкого регулярно навещала Н. И. Седова, он получал необходимую для работы литературу и периодику, имел ежедневные прогулки. Сохранилась фотография Троцкого, сделанная в тюрьме: на нас самоуверенно смотрит хорошо одетый молодой человек, во взгляде которого нет ни тоски, ни подавленности. Как свидетельствует мемуарист, Троцкий говорил тогда: «Я чувствую себя великолепно... Сижу, работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать... Согласитесь, что в границах царской России это довольно необычное ощущение...» [37]

В тюрьме Троцкий подготовил несколько публицистических работ. Среди них брошюра с критикой взглядов одного из главных идеологов кадетской партии, бывшего «легального марксиста» Петра Струве, работа «Итоги и перспективы» с изложением теории «перманентной революции» (она вошла в изданный в 1906 г. сборник статей Троцкого «Наша революция», почти весь тираж которого был уничтожен полицией), а также ряд статей, составивших еще один сборник произведений Троцкого, который увидел свет в 1907 г. под названием «В защиту партии». Большой интерес представляет работа Троцкого «Революция и ее силы», написанная после роспуска I Государственной думы. Многие оценки политического момента, данные здесь Троцким, близки к ленинским. Он, в частности, пишет о том, что настало время, когда крестьянское движение должно принять более широкие размеры и создать благоприятные условия для нового крупномасштабного выступления городского пролетариата. При этом Троцкий считает, что революционное кипение деревни может продолжаться неопределенно долгое время, политическое сознание крестьян растет не по дням,

а по часам, поэтому основная борьба на селе впереди. Как и Ленин, Троцкий допускал, что, несмотря на неудачу Свеаборгского и Кронштадтского военных восстаний в июле 1906 г., новое вооруженное столкновение народа с силами реакции может произойти еще до конца второго года революции. Не случайно эта статья Троцкого вместе с другой его работой — «Наша тактика в борьбе за Учредительное собрание» была опубликована в виде брошюры в московском большевистском издательстве «Новая волна».

В тюрьме Троцкий занимался также теорией земельной ренты — тема, прямо скажем, довольно необычная для него (рукопись эта пропала) [38], участвовал вместе с Хрусталевым-Носарем, Сверчковым, Злыдневым, большевиками Кнунянцем и Немцовым в написании очерка по истории Петербургского Совета, вскоре увидевшего свет в одном из легальных столичных издательств, готовил речь, которую ему предстояло произнести на открытом судебном процессе по делу депутатов. Суд предполагалось начать еще 20 июня, но напряженная политическая обстановка в стране и энергичные протесты со стороны петербургских рабочих заставили власти перенести его на осень. Меньшевистские лидеры советовали Троцкому придерживаться на суде той версии, что Совет был строго легальной организацией, которая якобы имела в виду лишь организовать рабочих для скорейшего проведения в жизнь основных положений царского манифеста 17 октября. Троцкий и другие арестованные меньшевики с негодованием отвергли подобную рекомендацию, грозившую свести на нет все агитационное значение предстоящего процесса. В ответном письме, которое было найдено при обыске у арестованного полицией в Петербурге Ю. О. Мартова, Троцкий и его товарищи писали, что хотя Совет и не ставил своей целью техническую подготовку восстания, но оно неизбежно вытекало из непрерывно обострявшейся борьбы пролетарских масс, а значит, и из деятельности Совета [39].

Суд проходил в сентябре—октябре 1906 г. 3 октября Троцкий произнес двухчасовую речь, которая, как отмечалось в прессе, произвела на всех присутствующих, в том числе и на родителей подсудимого, приехавших в столицу, сильное впечатление. Троцкий заявил, что во время Всероссийской октябрьской политической стачки Петербургский совет был единственной реальной властью в столице, но ни разу не применял насилия. В дальней-

шем Совет хотел свести неизбежный конфликт народа с правительством к минимуму. «Наша подготовка к вооруженному восстанию,— подчеркнул Троцкий,— заключалась в том, чтобы пропитывать сознание народных масс идеей, что конфликт неизбежен» [40].

Газеты сообщали, что один из защитников, присяжный поверенный Зарудный, даже попросил председателя суда сделать после речи Троцкого перерыв, мотивируя это тем, что после такого выступления он «не в состоянии продолжать защиту». Не прошло оно бесследно и для самого Троцкого, который внезапно заболел. Помимо приобретенного еще в отрочестве катара кишечника, он периодически страдал от припадков эпилептического характера, которые случались с ним и позже на почве переутомления и нервного перенапряжения.

14 октября защитники подсудимых отказались от дальнейшего участия в процессе, который не может, по их мнению, выяснить «ни исторической, ни юридической правды». Сами обвиняемые отказались от последнего слова и попросили разрешения не появляться в суде до вынесения приговора, так что последние заседания проходили уже без них. 19 октября был оглашен суровый вердикт: Троцкий был приговорен в пожизненной ссылке в Сибирь. Не следует забывать, что после июльского политического кризиса 1906 г. правительство чувствовало себя уже гораздо увереннее, чем прежде: в стране действовали военно-полевые суды, введенные Столыпиным, а сам премьер был напуган и взбешен взрывом, произведенным революционерами на его даче на Аптекарском острове в Петербурге в августе 1906 г.

В начале января 1907 г., опубликовав в печати прощальное письмо к петербургским рабочим, неоднократно выражавшим сочувствие своим депутатам во время процесса, Троцкий и его товарищи двинулись к месту ссылки. Для Троцкого им должно было стать селение Обдорск за Полярным кругом. Однако еще до прибытия этапа к месту назначения, притворившись больным радикулитом, Троцкий задержался в городе Березове, где отбывал в свое время ссылку знаменитый Меншиков, и бежал оттуда. Одиннадцатидневная одиссея с 700-километровым броском в оленьей упряжке через тундру и опасным путешествием от Урала до Петербурга по железной дороге благополучно завершилась в столице Российской империи, дав Троцкому материал для очередной книги «Туда и обратно», изданной затем Парвусом в Дрездене. Кстати говоря, сам Парвус тоже был сослан в Сибирь и тоже бежал с этапа.

В феврале 1907 г. Троцкий был уже в Финляндии, где встретился с Лениным и Мартовым. Ему запомнились страшный беспорядок в комнате последнего, груды газет и нервный, какой-то неуверенный и потухший хозяин, с которым Троцкий расстался довольно сухо. Беседа с Лениным продолжалась около часа. Он показался Троцкому не то чтобы постаревшим, но сильно возмужавшим: годы партийного раскола и революции не прошли бесследно. Троцкий рассказал о своих путевых впечатлениях, о судьбе других ссыльных депутатов, в том числе большевиков Кнунянца и Немцова. Зашла речь и о взаимоотношениях Троцкого с меньшевиками. Он рассказал, что отошел от них еще в 1904 г., вызвав в ответ град вопросов Ленина: «Как так? Почему это не опубликовано? Почему разошлись?» Суммируя свои впечатления от встречи с лидером большевиков, Троцкий писал, что настроение Ленина правильнее всего было бы охарактеризовать в тот момент как активное выжидание, ибо крестьянин, по его мнению, еще по-настоящему не раскачался, а это сулило продолжение революции [41].

Ленин дал Троцкому рекомендательное письмо к большевику В. М. Смирнову, который имел в Финляндии обширные связи и устроил гостя в местечке Огльбю, откуда он вскоре при содействии финских революционеров выехал в Стокгольм, а оттуда в Лондон [42].

Весной 1907 г. Троцкий принял участие в V съезде РСДРП в Лондоне в качестве делегата с совещательным голосом от Борчалинской организации РСДРП (Грузия). Он заявил, что не претендует на представительство какого бы то ни было особого течения (такие претензии действительно выглядели бы довольно смешно), но многозначительно добавил, что по каждому обсуждаемому на съезде вопросу у него есть собственное мнение. Характеризуя отношение большевиков к Троцкому, Ленин говорил на съезде: «Останавливаться на наших разногласиях с ним мне здесь некогда. Отмечу только, что Троцкий в книжке „В защиту партии“ печатно выразил свою солидарность с Каутским, который писал об экономической общности интересов пролетариата и крестьянства в современной революции в России. Троцкий признавал допустимость и целесообразность левого блока против либеральной буржуазии. Для меня достаточно этих фактов, чтобы признать приближение Троцкого к нашим взглядам. Неза-

висимо от вопроса о „непрерывной революции“ здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям» [43]. Таким образом, налицо было определенное сближение позиций Троцкого и Ленина, но в целом Троцкий по-прежнему оставался центристом.

Выступая в ходе дискуссии по вопросу об отношении к непролетарским партиям, Троцкий сделал ряд важных заявлений, уточняющих его взгляды на движущие силы русской революции. Он сказал, в частности, что не считает крестьянство политической величиной, которой можно пренебречь, а пролетариат единственной силой революционной борьбы. Отвел Троцкий и обвинения в отрицании им программы-минимум партии, подчеркнув, что полная победа революции должна поставить у власти пролетариат именно в процессе его борьбы за «минимальную программу». Кроме того, Троцкий повторил высказанное им в упоминавшейся выше книге «Наша революция» положение о том, что русской буржуазии придется сдать пролетариату и революционную гегемонию над крестьянством [44].

Июнь и июль 1907 г. Троцкий провел вместе с Парвусом на отдыхе в Германии, затем участвовал в работе Штутгартского конгресса II Интернационала, а в октябре обосновался с семьей в Вене. К тому времени у него было уже двое сыновей от второго брака — Лев и Сергей Седовы (первый погиб, видимо не без участия НКВД, в начале 1938 г. в Париже, второй был расстрелян в СССР в 1937 г. и посмертно реабилитирован в 1988 г.). Венский период жизни Троцкого был, пожалуй, самым спокойным и счастливым в личном плане. Несомненное продвижение вперед можно отметить и в его революционной карьере: он активно участвует в международном социалистическом движении, становится в известном смысле европейской величиной, устанавливает контакты со многими руководящими деятелями II Интернационала. Троцкий сотрудничает во многих русских и зарубежных газетах и журналах, растет как журналист. Он охотно берется за самые разные темы: пишет о политике, литературе и искусстве, делает зарисовки на социально-бытовые темы. В 1912—1913 гг. Троцкий в качестве корреспондента леволиберальной газеты «Киевская мысль» совершает ряд поездок на Балканы, где шли тогда Балканские войны, ставшие прологом первой мировой.

Однако во внутрипартийных коллизиях 1908—1914 гг. Троцкий проявил себя, мягко говоря, далеко не с лучшей стороны. Ситуация в РСДРП, в которой после IV (Объединительного) съезда работали вместе большевики, меньшевики и ряд национальных марксистских организаций, была в то время очень сложной. Если в годы первой российской революции социал-демократия действовала в полуподполье, а в отдельные периоды и почти легально, то с наступлением столыпинской реакции положение резко изменилось. Партия снова вынуждена была уйти в глубокое подполье, масштабы массового рабочего движения резко сократились, началась полоса идейных шатаний и разброда. Достигнутое в 1906 г. объединение РСДРП становилось все более призрачным, так как меньшевики снова резко повернули вправо. К тому же и меньшевики, и большевики фактически тоже раскололись в это время на «правых» и «левых». У меньшевиков появились так называемые ликвидаторы, считавшие дальнейшее существование нелегальной подпольной партии бессмысленным, и сторонники Плеханова, призывавшего бороться за ее сохранение. У большевиков тоже шли внутренние баталии: сторонники Богданова обличали Ленина в «отступничестве» от старой революционной линии и в «перерождении». Вновь резко возросла роль социал-демократической эмиграции с характерной для нее кружковщиной, групповой «дипломатией», а то и просто склокой. Идейные разногласия по вопросам текущей политики, философии, истории партии, помноженные на личную неприязнь и взаимные обиды партийных лидеров, делали обстановку в российской социал-демократии в полном смысле слова взрывоопасной. Центробежные тенденции явно брали верх над действием центростремительных сил. Налицо был кризис партии.

В этих условиях Троцкий, амбиции которого после 1905 г. значительно возросли, решил сыграть роль главного борца за единство РСДРП путем преодоления отрицательных черт большевизма и меньшевизма и синтеза их достоинств. Сильными сторонами меньшевиков Троцкий считал их стремление к тесной связи с пролетарскими массами, ставку на самодеятельность пролетариата, критическое отношение к любому «организационному фетишизму» и сектантству, а слабыми — сползание к бесформенности и расплывчатости. Что касается большевиков, то они, по мнению Троцкого, всегда тяготели к заговорщичеству и излишней „замкнутости“. Тем не менее

обе фракции как бы дополняли друг друга: большевики учились у меньшевиков, меньшевики — у большевиков и их параллельное существование обеспечивало известную устойчивость и равновесие внутри социал-демократического движения. В то же время и большевизм и меньшевизм — каждый по-своему — были своеобразной реакцией на ошибки и перекосы противной стороны. Выход из этого противоречия Троцкий видел в одном: рабочие должны научиться руководить своим движением сами, взяв свою судьбу в собственные руки.

В итоге Троцкий решил издавать за границей для рабочих России внефракционную газету «Правда». Начиная с 1905 г. печатный орган под таким названием выпускал украинский социал-демократический союз «Спилка» меньшевистского направления. В 1908 г. Троцкий взял его в свои руки и при участии А. А. Иоффе, С. Ю. Семковского, М. И. Скобелева и других наладил выпуск новой рабочей газеты, нерегулярно выходившей до начала 1912 г. Таким образом, Троцкий получил наконец возможность попробовать себя в роли главного редактора большой газеты, предназначенной для рабочей аудитории. Однако успеха это предприятие не имело: сказывался недостаток средств, мало было литературных сил, а главное — отсутствовала организация внутри России, которая поддерживала бы «Правду» и помогала распространению самой газеты и ее идей.

В межреволюционный период Троцкий продолжает балансировать между большевиками и меньшевиками, пытаясь создать нечто вроде «третьей фракции» РСДРП под своим руководством. При этом он обнаруживает худшие качества своей натуры: склонность к политиканству, непомерное тщеславие, неуживчивость с окружающими, способность чересчур быстро менять свою позицию (Ленин называл это «тушинскими перелетами» Троцкого). На этой почве в 1910—1914 гг. происходит новое резкое обострение отношений Троцкого с большевиками. Не случайно именно в то время Ленин в сердцах назвал его — хотя и не для печати — «Иудушкой» [45].

В первое время после V съезда РСДРП Ленин проявлял готовность к налаживанию отношений с Троцким. Было решено пригласить его сотрудничать в большевистской газете «Пролетарий», выходившей под руководством Ленина за границей. Как писал в начале 1908 г. Ленин Горькому, Троцкому направили соответствующее письмо, коллективно подписав его «Редакция „Пролетария“». Ленин сознательно не хотел подписывать письмо лично, желая поставить дело на коллегиальную основу. Комментируя свой поступок в том же письме к Горькому, Ленин писал: «...у меня, например, лично с Троцким большая баталия, драка была отчаянная в 1903—5 годах, когда он был меньшевиком...» [46]. Однако в ответ большевики получили от секретаря Троцкого краткое и крайне холодное уведомление («по поручению т. Троцкого») об отказе от сотрудничества в «Пролетарии» ввиду занятости. Ленин расценил этот поступок Троцкого как позерство и желание стать «выше борющихся фракций», откровенно высказав сомнение в возможности сотрудничества большевиков с таким человеком.

Очень интересно в этом плане и письмо Ленина, адресованное в сентябре 1909 г. М. П. Томскому. В нем говорится о желании большевиков «самым *искренним* образом», как подчеркивает Ленин, наладить блок с Троцким. Речь шла о предоставлении ему субсидий на издание «Правды», покрытии ее финансового дефицита, переезде редакции в Париж, установлении паритета большевиков и сторонников Троцкого в редакции газеты. Однако Троцкий потребовал, чтобы в редакции был лишь один большевик и два «троцкиста». Комментируя этот шаг Троцкого, Ленин пишет: «Понятно, что содержать не партийную, а троцкистскую газету в другом городе (Вене.— *С. Т.*) мы не в состоянии. Троцкий хочет не партию строить вместе с большевиками, а создавать *свою* фракцию. Что ж,— пусть попробует! „Своей“ фракцией он отобьет кое-кого у меньшевиков, немного у нас, а в конце концов неизбежно приведет рабочих к большевизму» [47].

После январского (1910 г.) пленума ЦК РСДРП большевики все же пошли на временное сотрудничество с Троцким: они выделили средства на нужды венской «Правды», а Л. Б. Каменев стал на несколько месяцев членом ее редакционной коллегии. Однако очень скоро стали очевидны неискренность Троцкого, его стремление «не обижать» ликвидаторов, и блок распался. При этом Троцкий постарался очернить большевиков в глазах международной социал-демократии, изображая их в своих статьях, публиковавшихся на страницах заграничных социалистических изданий, как раскольников, дезорганизаторов, экспроприаторов и т. п.

Троцкий отказался признать законность организованной большевиками Пражской партийной конференции 1912 г. и избранного на ней ЦК РСДРП и попытался

создать в противовес большевикам так называемый Августовский блок (он был назван так потому, что в августе 1912 г. в Вене прошла конференция социал-демократических организаций России небольшевистского направления). Однако попытка эта оказалась неудачной. Выход первого номера большевистской «Правды» в Петербурге еще больше осложнил отношения Троцкого с большевиками: он прямо обвинил их в незаконном присвоении названия его венской газеты.

В 1914 г. в Петербурге под идейным руководством Троцкого стал выходить журнал «Борьба», однако, как и венская «Правда», большого влияния на социал-демократическое движение в России он не оказал. Наконец, в канун первой мировой войны, в июле 1914 г., мы снова видим Троцкого в качестве активного участника (на этот раз вместе с Плехановым и Каутским) организованного Международным социалистическим бюро Брюссельского совещания, призванного во что бы то ни стало примирить большевиков и меньшевиков и положить конец существованию большевизма как самостоятельного течения.

Наш рассказ о деятельности Троцкого после первой российской революции был бы, вероятно, неполон, если бы мы не упомянули о его книге «Россия в революции», изданной в 1909 г. в Германии на немецком языке. В русском переводе она увидела свет лишь в 1922 г. под названием «1905 год». Здесь Троцкий собрал и довольно искусно аранжировал с учетом вкусов европейского читателя свои опубликованные и неопубликованные статьи периода революции, изложил взгляды на ее причины, результаты и дальнейшие перспективы революционного движения в России, рассказал о наиболее интересных эпизодах революции, участником которых ему довелось стать.

Подводя итог деятельности Троцкого в предвоенный период, напомним ту характеристику основных этапов его политической биографии, которую дал Ленин в мае 1914 г. в статье под характерным заголовком «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве». В 1901—1903 гг., писал Ленин, Троцкий — ярый «искровец», в конце 1903 г.— ярый меньшевик, в 1904—1905 гг. отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, в 1906—1907 гг. подходит к большевикам. «В эпоху распада,— продолжал Ленин,— после долгих „пефракционных“ колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять

отходит от них, повторяя, однако, *по сути дела* их же идейки» [48].

Первая мировая война стала великой трагедией в жизни многих народов Европы, в том числе и России. Ее начало ознаменовалось и глубоким кризисом международного социалистического движения. Наступило, как говорил Ленин, страшное время забытых слов, растерянных принципов, опрокинутых миросозерцаний. II Интернационал потерпел крах. Вместе с тем война стала своеобразным режиссером новой революционной бури, которая пронеслась в 1917—1919 гг. над рядом европейских стран. Никогда еще европейская, а за ней и мировая революция не казалась столь близкой, как в те годы. При этом России суждено было первой прорвать цепь империализма и совершить сначала свою вторую буржуазно-демократическую, а затем и третью, пролетарскую революцию.

С началом войны Троцкий покинул Вену (в противном случае ему как русскому подданному грозил бы арест) и переехал в нейтральную Швейцарию, в Цюрих. В ноябре здесь вышла в свет на немецком языке его брошюра «Война и Интернационал» с резким осуждением всех участников империалистической бойни, включая царизм. Троцкий констатировал крах Интернационала и подчеркнул, что война поставила народы перед новой альтернативой — непрерывное безумное и бессмысленное кровопролитие или пролетарская революция европейского масштаба. Социал-патриотическому лозунгу «защиты отечества» он противопоставил призыв к немедленному прекращению войны и созданию революционным путем республиканских Соединенных Штатов Европы, а затем и всего мира.

В ноябре 1914 г. Троцкий получил предложение стать военным корреспондентом «Киевской мысли» во Франции и перебрался в Париж. Снова Елисейские поля, Эйфелева башня, кафе «Ротонда», где часто собирались русские эмигранты. Но как все изменилось... Крупные перестановки произошли и в руководящих кругах меньшевиков. Так, Г. В. Плеханов стал до неприличия ярым «оборонцем», благословив русских эмигрантов из революционной среды, включая и некоторых большевиков, на вступление в ряды французской армии, чтобы защищать демократию от тевтонского варварства. Ю. О. Мартов, наоборот, проявил себя как убежденный интернационалист. Именно он стал душой ежедневной общественно-политической газеты «Голос», издававшейся на русском языке в Париже

группой социал-демократов — эмигрантов разных направлений. В 1915—1916 гг. их газета выходила под названиями «Наше слово» и «Начало». Здесь сотрудничали В. А. Антонов-Овсеенко, Д. З. Мануильский, А. С. Лозовский, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Г. В. Чичерин, М. С. Урицкий, Д. Б. Рязанов и другие талантливые публицисты, объединившиеся для борьбы с войной и социал-шовинизмом. По приезде в Париж к ним примкнул и Троцкий, который стал вскоре ведущим публицистом «Нашего слова», а весной 1916 г. вытеснил из этой газеты Ю. О. Мартова.

Отношения между Троцким и Лениным оставались в то время очень сложными. Общими были неприятие войны, критика империализма и социал-шовинизма, ставка на европейскую, а затем и мировую революцию и как часть ее — на революцию в России. Различия — и весьма серьезные — состояли во взглядах на движущие силы русской революции и тактику антивоенной борьбы. Троцкий считал, например, что Ленин недооценивает значение лозунга мира как самого естественного, простого и понятного массам лозунга борьбы с войной. В то же время ленинский призыв к превращению войны империалистической в войну гражданскую казался Троцкому слишком неопределенным, а тактика революционного пораженчества — социал-патриотизмом наизнанку. Не принимал он также «раскольнического фанатизма» и «идеологической нетерпимости» Ленина, его лозунга создания III Интернационала, вывода о возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной стране. Конечно, говорил Троцкий, мы начнем революцию, не дожидаясь других, и в этом у нас с Лениным разногласий нет, но если бы эта революция осталась одинокой, то безнадежно было бы думать, что революционная Россия или революционная Германия в одиночку сумеют устоять перед напором империалистов и создать в своих странах социалистический строй в капиталистическом окружении.

В свою очередь, защита Троцким русских каутскианцев типа руководителя меньшевистской фракции IV Государственной думы Н. С. Чхеидзе, сомнительная эластичность троцкистского лозунга «Ни побед, ни поражений», его «объединительная» дипломатия в кругах II Интернационала не раз вызывали протест со стороны большевиков[49]. Неудачей закончились переговоры между большевистским ЦК РСДРП и редакцией «Нашего слова»

в феврале 1915 г., а также попытки совместной работы Троцкого и большевиков в Парижском клубе интернационалистов. Отклонил Троцкий и предложение о сотрудничестве в журнале «Коммунист» — совместном органе большевиков и левых социалистов ряда западноевропейских стран (май 1915 г.). В письмах Троцкого военного периода, адресованных польскому социалисту К. Радеку, голландской социалистке Г. Роланд-Гольст и другим лицам, по-прежнему содержатся очень недоброжелательные отзывы о Ленине и большевиках.

Анализируя перспективы революции в России, Троцкий повторил в годы войны — причем в нескольких случаях в еще более резкой форме, чем в 1905 г.,— свои старые взгляды на ее движущие силы. «...Национальная буржуазная революция в России невозможна из-за отсутствия подлинно революционной буржуазной демократии. Время национальных революций прошло — по крайней мере для Европы — так же, как и время национальных войн... Мы живем в эпоху империализма... Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат буржуазной нации»,— писал Троцкий в «Нашем слове» 17 октября 1915 г., в день 10-й годовщины знаменитого царского манифеста времен первой российской революции. Отсюда он делал вывод, что сложившаяся в России в период войны революционная ситуация ставит вопрос о создании революционного рабочего правительства, завоевании власти рабочим классом.

Ближайшими лозунгами, за которые должна агитировать российская социал-демократия, Троцкий считал: созыв Учредительного собрания, установление демократической республики, 8-часовой рабочий день, конфискацию помещичьей земли, немедленное прекращение войны, право наций на самоопределение, создание Соединенных Штатов Европы.

В сентябре 1915 г. Троцкий принял активное участие в международной социалистической конференции в швейцарской деревушке Циммервальд. Здесь собрались представители различных оттенков антивоенных взглядов из различных стран Европы, причем преобладали центристские, пацифистски настроенные элементы. От России в Циммервальде были В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев (большевики), Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод (меньшевики), Л. Д. Троцкий (редакция «Нашего слова»), М. А. Натансон, В. М. Чернов (эсеры) и др. Троцкий не вошел в группу из восьми левых делегатов во главе с Лениным

и представил собственный проект итогового документа конференции, который поддержала, однако, лишь Г. Роланд-Гольст.

Окончательный вариант манифеста участников Циммервальдской конференции носил компромиссный характер. Он был подготовлен при участии Троцкого и нес на себе отпечаток его центристских взглядов. В этом документе правильно подчеркивался империалистический характер войны, агрессивные замыслы обоих столкнувшихся в ней блоков, выдвигался лозунг справедливого демократического мира между народами. Однако призыв к интернациональной пролетарской солидарности в борьбе за социализм не был дополнен в манифесте конкретной программой массовых революционных действий против войны. Тем не менее значение этого документа, под которым впервые с начала войны стояли рядом подписи социалистов воюющих и нейтральных стран, было очень велико. Правда, подписи Троцкого под Циммервальдским манифестом не было, но это объяснялось чисто процедурными моментами. Документ подписывали лишь по 2—3 делегата от каждой страны, а для России с ее Ноевым ковчегом социалистических партий и так сделали исключение, дав возможность поставить по две подписи под манифестом большевикам, меньшевикам и эсерам.

В сентябре 1916 г. за антивоенную пропаганду и связи с интернационалистским крылом французского социалистического и синдикалистского движения Троцкий был выслан из Франции в Испанию. В ноябре он был арестован в Мадриде, а затем выслан в Кадикс, откуда в конце декабря 1916 г. в принудительном порядке отправлен пароходом вместе с семьей в США. В начале нового, 1917 г. Троцкий прибыл в Нью-Йорк, где и провел около трех месяцев. Он сотрудничал там в существовавшей с 1912 г. русской рабочей эмигрантской газете «Новый мир» (в то время там работали Н. И. Бухарин, Г. И. Чудновский, В. Володарский), установил контакты с находившимися в США социалистами Сен Катаямой (Япония), С. Рутгерсом (Голландия), Д. Ларкиным (Ирландия), а также с руководителями левого крыла Американской социалистической партии. Троцкий пытался организовать кампанию протеста против предстоящего вступления США в войну, призывал американцев отказываться от военной службы и устраивать стачки протеста.

Между тем в России грянула Февральская революция. 27 марта 1917 г. Троцкий с женой и сыновьями покинул

на норвежском пароходе Нью-Йорк, но вскоре был интернирован в Канаде британскими властями (Канада была тогда английским доминионом). Поводом для ареста послужило подозрение в получении Троцким, Чудновским и их спутниками, возвращавшимися в Россию, денежных субсидий от Германии для развертывания на родине революционной работы с целью свержения Временного правительства. Следует сказать, что в то время уже шли неясные слухи о том, что с началом войны бывший друг Троцкого Парвус, ставший ярым социал-патриотом германофильского толка, представил кайзеровскому правительству поистине фантастический по своим масштабам план «революционизирования России» с помощью пораженчески настроенных русских революционеров, включая Ленина и большевиков, а также украинских и прочих сепаратистов из национальных социал-демократических и эсеровских организаций. Найденные после второй мировой войны архивные документы подтвердили и наличие плана Парвуса, и факт получения им крупных денежных сумм от германского правительства. Однако Ленин на сотрудничество с Парвусом не пошел. Что касается Троцкого, то он публично отмежевался от своего бывшего товарища и ни в какие контакты с ним не вступал.

Тем не менее ему пришлось провести около месяца в лагере Амхерст в районе канадского порта Галифакс, где Троцкий с успехом занимался интернационалистской революционной пропагандой среди немецких военнопленных и интернированных рабочих немецкого происхождения. Между тем в революционном Петрограде началась кампания в защиту Троцкого, в которую включились и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, где хорошо помнили о событиях 1905 г., и большевистская «Правда». С осуждением английских империалистов выступил и Ленин. В итоге после соответствующих переговоров между Временным правительством и английским посольством в Петрограде Троцкий был освобожден и 4(17) мая 1917 г., через месяц после возвращения в Россию Ленина, прибыл в столицу новой, революционной России.

К тому времени основные разногласия по вопросам текущей политики между Троцким и большевиками были практически сняты. Троцкого и Ленина объединял курс на социалистическую революцию в России как часть мировой пролетарской революции, полное недоверие Временному правительству, лозунг «Вся власть Советам!».

Разумеется, полного единомыслия между ними не было. Достаточно сказать, что, выступая в апреле 1917 г. на петроградской общегородской конференции большевиков, Ленин вспомнил крылатую фразу Парвуса: «Без царя, а правительство рабочее», олицетворявшую в 1905 г. курс на «перманентную революцию», и дал этому лозунгу следующую оценку: «Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя. Но у нее две части. Беднейшая ее часть идет с рабочим классом» [50]. В свою очередь, и Троцкий не торопился вступать в ряды большевиков, всячески давая понять, что предпочел бы объединиться с ними в рамках новой революционной партии, не связанной ни с большевизмом, ни с меньшевизмом.

По приезде в Россию Троцкий сделал ставку на левоцентристскую организацию петроградских межрайонцев, где уже работали его друзья А. А. Иоффе и М. С. Урицкий. Побывав в мае 1917 г. на конференции «межрайонцев», Ленин записал следующие слова Троцкого: «Я называться большевиком не могу... Признания большевизма требовать от нас нельзя» [51]. Однако жизнь быстро показала, что, хотя в межрайонной организации РСДРП и было в то время несколько тысяч членов, стать ядром новой социал-демократической партии, даже при участии такой яркой фигуры, как Троцкий, она не может. В итоге летом 1917 г. Троцкий оказался перед выбором: либо перешагнуть через свое самолюбие и вступить в партию большевиков (благо Ленин не требовал от него никаких публичных покаяний и признания прежних ошибок), либо оказаться за бортом событий. Естественно, он выбрал первое, тем более что предложения о вступлении межрайонцев в ряды большевиков делались уже последними во время встречи 10(23) мая 1917 г. с участием Ленина, Зиновьева, Каменева и Троцкого.

Можно допустить, что Троцкому действительно казалось в тот момент, будто Ленин «разбольшевичился» и пришел к троцкизму, взяв на вооружение теорию «перманентной революции», хотя никаких подтверждений этому тезису он, естественно, привести не мог. Возможно, он и не лукавил наедине с собой, сознавая, что Ленин — слишком крупный политик и его мысль развивается вполне самостоятельно. Так или иначе жизнь заставила Троцкого взять курс на сближение с Лениным.

В Анкете участника Октябрьского переворота, разосланной Истпартом активным деятелям Октября в 1927 г., Троцкий вспоминал: «Ряд документов, исходивших от

большевиков в мае—июле 1917 г., были написаны мною или при моем редакционном участии... Во всех выступлениях на всех собраниях я, как известно, отождествлял себя с большевиками» [52].

Характеризуя позицию Троцкого в тот сложный, переломный период, Ленин писал, что сразу же после приезда в Россию он занял положение интернационалиста, боролся за слияние межрайонцев с большевиками и «в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата» [53]. Со своей стороны Троцкий в ответах на анкету Истпарта добавлял: «Ленин, как известно, отнюдь не страдал благодушной доверчивостью к людям, когда дело шло об идейной линии или о политическом поведении в трудных условиях, в особенности же чуждо ему было благодушие по отношению к революционерам, которые в предшествующий период стояли вне рядов большевистской партии. Именно июльские дни сломили последние остатки старых перегородок» [54]. К этому следует добавить, что Ленин не отличался политическим злопамятством: интересы дела всегда были для него выше личных амбиций и чувств. Конечно, Ленин не знал многих из тех нелестных оценок, которые давал ему в частной переписке Троцкий. Но и того, что было напечатано в свое время в различных газетах и брошюрах, было вполне достаточно, чтобы Ленин при желании наложил вето на прием Троцкого в партию большевиков. Но Ленин рассудил иначе, и у нас нет оснований предполагать, что позже он пожалел о своем решении.

В автобиографической книге «Моя жизнь» Троцкий писал: «Отношение Ленина ко мне в течение 1917 г. проходило через несколько стадий. Ленин встретил меня сдержанно и выжидательно. Июльские дни нас сразу сблизили» [55]. В начале июля состоялась вторая конференция петроградских межрайонцев, главным пунктом повестки дня которой был вопрос об объединении с большевиками. Решение было положительным: два представителя Межрайонной организации были выделены для работы в оргбюро по созыву VI съезда РСДРП(б), а Троцкий был назначен докладчиком по вопросу о текущем моменте.

Июльский политический кризис стал переломным моментом в развитии революции и положил конец двоевластию. И коалиционное Временное правительство, и руководители Советов, и лидеры большевиков оказались перед необходимостью срочно принимать ответственные полити-

ческие решения. Политика правительства вызывала откровенное недовольство масс. Часть солдат и рабочих буквально рвалась в бой под лозунгом «Вся власть Советам!» Некоторые горячие головы среди большевиков Петрограда готовы были подтолкнуть их к вооруженному восстанию с целью свержения «министров-капиталистов». Однако шансы на его успех были еще незначительны. В итоге 3—4 июля в столице состоялись мощные народные демонстрации, носившие в основном мирный характер, но сопровождавшиеся отдельными вооруженными столкновениями, которые были спровоцированы контрреволюционными элементами и привели к человеческим жертвам. Происшедшие в те дни в Петрограде уличные беспорядки дали правительству повод обвинить большевиков в подготовке военного переворота, который якобы финансировался Германией. На страницах буржуазной печати замелькали сенсационные сообщения о том, что Ленин изобличен в шпионаже. Был подписан ордер на его арест. Началась бешеная травля большевиков.

Как же вел себя в это трудное для большевиков время Троцкий? На состоявшемся 3 июля в отсутствие Ленина заседании ЦК большевиков приглашенный на него Троцкий вместе с Зиновьевым и Каменевым выступил за то, чтобы партия предприняла все усилия для сдерживания масс. Когда же стало окончательно ясно, что на следующий день народ опять выйдет на улицы Петрограда, то на состоявшемся в ночь с 3 на 4 июля новом заседании ЦК Троцкий и Зиновьев встали на сторону тех, кто доказывал, что большевики должны поддержать движение масс, но сделать все для того, чтобы предстоящая демонстрация носила мирный характер[56]. Эта линия совпала с позицией Ленина, который утром 4 июля возвратился в Петроград после кратковременного отдыха. По свидетельству Троцкого, 5 июля состоялась его встреча с Лениным, на которой обсуждались планы работы на случай ухода большевиков в подполье[57].

Меньшевистско-эсеровские лидеры Советов расценили июльские события как авантюристическую попытку вооруженного антиправительственного выступления, подготовленного «анархо-большевистскими элементами». Они обвиняли большевиков в развале армии и признали за правительством право на охрану завоеваний Февральской революции, фактически предоставив ему полную свободу действий и санкционировав сохранение кадетско-меньшевистско-эсеровской коалиции. Правда, меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым и левые эсеры не одобряли такой позиции и воздерживались от обвинений в адрес большевиков. Так, Ю. О. Мартов выступил в разгар июльских событий за создание правительства, состоящего только из представителей социалистических партий. Он призывал революционную демократию не углублять разногласия в своих рядах и выдвинул следующую программу радикальных реформ: немедленное заключение перемирия и демократизация армии, борьба с контрреволюцией, безотлагательная подготовка к проведению радикальной аграрной реформы, введение централизованного планирования и регулирования экономики и т. д. Кроме того, Мартов был противником репрессий против революционно настроенных солдат и рабочих. 17 июля он заявил: у Советов нет иного выбора, как взять всю полноту власти в свои руки[58]. Однако такие взгляды разделяла в то время лишь сравнительно небольшая часть меньшевиков.

Ленин и его единомышленники оказались в очень тяжелом положении. Орган ЦИК Советов газета «Известия» 6 июля 1917 г. писала: «Чего же добились демонстранты 3 и 4 июля и их признанные официальные руководители — большевики? Они добились гибели четырехсот рабочих, солдат, матросов, женщин и детей... Они добились разгрома и ограбления ряда частных квартир, магазинов... Они добились ослабления нашего на фронтах... Они добились раскола, нарушения того единства революционных действий, в которых заключается вся мощь, вся сила революции... В дни 3—4 июля революции был нанесен страшный удар...» Небезызвестный Владимир Бурцев, на протяжении ряда лет расследовавший случаи провокаторства в революционной среде, отверг версию о Ленине, Зиновьеве и Троцком как немецких шпионах, но заявил, что именно благодаря им «в те проклятые черные дни 3, 4 и 5 июля Вильгельм II достиг всего, о чем только мечтал... За эти дни Ленин с товарищами обошлись нам не меньше огромной чумы или холеры»[59].

Кадетская «Речь» писала в те дни, что большевизм скомпрометировал себя безнадежно, что он «умер ... внезапной смертью», оказался блефом и т. д.[60] Количество подобных высказываний можно было бы многократно умножить. Буржуазия, реакционная военщина, падкий на сенсации мелкобуржуазный обыватель буквально захлебывались от клеветы по адресу большевиков и Ленина, который вынужден был скрыться вместе с Зиновьевым в Разливе под Петроградом.

В этих условиях любое выступление в защиту Ленина, любое проявление солидарности с большевиками было актом гражданского мужества. И надо прямо сказать, что Троцкий в это время оказался на высоте. 13 июля 1917 г. в газете «Новая жизнь» — той самой, где публиковал свои «Несвоевременные мысли» А. М. Горький,— появилось открытое письмо Троцкого Временному правительству, явившееся ответом на слухи о его якобы «отречении» от Ленина. «Сообщение газет о том, будто я «отрекся» от своей причастности к большевикам,— писал он,— представляет такое же измышление, как и сообщение о том, будто я просил власти защитить меня от „самосуда толпы", как и сотни других утверждений той же печати». Троцкий подчеркивал, что его невхождение в большевистскую партию и неучастие в «Правде» вызвано не политическими расхождениями, как хотелось бы представить дело некоторым буржуазным журналистам, а «условиями нашего партийного прошлого, потерявшими ныне всякое значение». Поэтому нет никаких логических оснований не распространять на него распоряжение властей об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева. «Что же касается политической стороны дела,— заключал Троцкий,— то у вас не может быть оснований сомневаться в том, что я являюсь столь же непримиримым противником общей политики Временного правительства, как и названные товарищи. Изъятие в мою пользу только ярче подчеркивает, таким образом, контрреволюционный произвол в отношении Ленина, Зиновьева и Каменева».

В дальнейшем Троцкий не раз публично демонстрировал свою идейную близость к большевикам. Выступая, например, 17 июля на совместном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Советов крестьянских депутатов, он заявил: «Ленин боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не можем не питать ненависти к германскому милитаризму. Утверждать противное может только тот, кто не знает, что такое революционер». В другой речи Троцкий говорил: «Теперь всякий считает нужным всадить нож в спину Ленина и его друзей, но тот, кто говорит, что тов. Ленин может быть немецким агентом, тот — негодяй» [61].

Трудно предположить, чтобы Ленин не оценил по достоинству подобные заявления. Так или иначе, в июльские дни имена Ленина и Троцкого все чаще появлялись в печати рядом. Если не считать уже явно утратившего

популярность у рабочих Плеханова и лидера меньшевиков-интернационалистов Мартова, Ленин и Троцкий были в тот момент наиболее крупными представителями того поколения российских социал-демократов, которое стояло еще у колыбели РСДРП, прошло через грозы и бури 1905 г., тяжелейшие годы столыпинской реакции, трагедию мировой войны, а теперь остались не скомпрометированными какой-либо связью с Временным правительством.

Ленину не могли не импонировать также твердая убежденность Троцкого в том, что, несмотря на все репрессии и клевету, большевизм приобретает все большую популярность в массах, а также его резкая критика по адресу меньшевиков и эсеров. «...В своей политике большевизм дает выражение действительным потребностям развивающейся революции, тогда как эсеро-меньшевистское «большинство" (Советов.— *С. Т.*) только закрепляет вчерашнюю беспомощность и отсталость масс... Эти люди борются против внутренней логики революции, и именно поэтому они оказываются в одном лагере с ее классовыми врагами. Именно поэтому мы обязаны подрывать доверие к ним — во имя доверия к завтрашнему дню революции» [62],— писал тогда Троцкий.

Еще одним проявлением сближения Троцкого с большевиками явилось его желание защищать на суде 25-летнего кронштадтского большевика Федора Раскольникова, арестованного после июльских событий. Это был любимец революционных моряков, их гордость. Во время июльской демонстрации он возглавлял многотысячную колонну матросов, прибывших из Кронштадта в Петроград. Ему же была поручена охрана дворца Кшесинской, где размещался в то время ЦК большевиков. Вскоре после июльских событий Раскольников вместе с Антоновым-Овсеенко, Крыленко, Дыбенко, Луначарским, Каменевым был арестован, и Троцкий, часто выступавший после возвращения в Петроград перед кронштадтскими матросами, не мог остаться равнодушным к его судьбе. Впрочем, точно так же не остался он равнодушен в июльские дни и к судьбе человека, весьма далекого ему по своим политическим взглядам,— министра земледелия в коалиционном кабинете князя Львова эсера Виктора Чернова. Троцкий буквально вырвал его из рук разбушевавшейся толпы и, возможно, спас от самосуда.

К тому моменту, когда в Петрограде с 26 июля по 3 августа (8—16 августа) 1917 г. проходил полулегально VI съезд РСДРП(б), где решался вопрос о вступлении

межрайонцев в ряды большевиков, в активе Троцкого была значительная работа по революционизированию рабочих, солдатских и матросских масс столицы, упоминавшиеся выше постоянные контакты с большевиками, защита Ленина от обвинений в шпионаже в пользу Германии. В мае—июне 1917 г. Троцкий стал одним из самых популярных митинговых ораторов, регулярно выступая перед многотысячными аудиториями. Большим авторитетом пользовался он, в частности, у кронштадтских моряков. 23 июля Троцкий в третий раз в своей жизни был арестован и провел 40 дней в хорошо известной ему тюрьме Кресты. На VI съезде большевиков он был заочно избран в состав ЦК, получив на выборах 131 голос из 134 (Ленин получил 133, Зиновьев — 132, Каменев — тоже 131).

После краха корниловщины Троцкий вместе с Каменевым, Луначарским, Коллонтай и другими большевиками был освобожден под залог из Крестов. Вскоре он получил одобрение Ленина («Браво, товарищ Троцкий!»)[63], выступив с лозунгом бойкота так называемого Предпарламента — Временного совета Российской республики, созданного на Демократическом совещании. Характерно, что большинство большевиков было тогда против такого решения вопроса. 10 октября на историческом заседании ЦК РСДРП(б) Троцкий голосовал за восстание, хотя и предлагал отложить его до открытия II Всероссийского съезда Советов, тогда как Ленин настаивал на необходимости нанести упреждающий удар по Временному правительству до созыва съезда. Однако большого практического значения эти разногласия уже не имели: восстание началось накануне съезда, а заканчивалось параллельно с его работой.

25 сентября (8 октября) 1917 г. Троцкий был избран председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, ведущая роль в котором перешла к большевикам. Не менее важное значение имела и деятельность Военно-революционного комитета при Петросовете, созданном в преддверии пролетарского восстания, причем и здесь роль Троцкого была велика.

На II Всероссийском съезде Советов Троцкий вошел в состав первого Советского правительства в качестве народного комиссара по иностранным делам. Американский журналист Джон Рид, книга которого «Десять дней, которые потрясли мир» остается одной из самых правдивых хроник Великого Октября, запомнил один эпизод, связанный с уходом со съезда правых меньшевиков и эсеров.

Троцкий с холодным презрением бросил им вслед: «Пусть уходят! Все они просто сор, который будет сметен в сорную корзину истории!»[64] Этой лаконичной фразой Троцкий как бы подводил итог и собственным колебаниям в дооктябрьский период, подчеркнув решительный переход на сторону большевиков, с которыми прежде так упорно боролся. В его жизни начинался новый период, на протяжении которого ему суждено было несколько лет работать рядом с Лениным, быть народным комиссаром по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета Республики, членом Политбюро ЦК большевистской партии. «Небольшевизм» Троцкого, который не был случайностью, но который не должен был стать для него — так по крайней мере думал Ленин — позорным клеймом на всю оставшуюся жизнь, уходил в историю. И тогда, в октябре 1917 г., когда имена Ленина и Троцкого были самыми популярными в только что родившейся Советской России, еще никто не мог предугадать, что будет 10—20 лет спустя.

[1] Жизнь Троцкого стала темой ряда крупных биографических работ, изданных за рубежом: *Serge V.* Vie et mort de Leon Trotsky. P., 1952; *Deutscher J.* The prophet armed (1879–1921). L., 1954; *Idem.* The prophet unarmed (1921–1929). L., 1959; *Idem.* The prophet outcast (1929–1940). L., 1963; *Carmichael J.* Trotsky: An appreciation of his life. L., 1975; *Broué P.* Trotsky. P., 1988; etc. Сам Троцкий оставил двухтомные автобиографические записки, изданные под названием «Моя жизнь» на русском (Берлин, 1930) и иностранных языках.

Из работ советских исследователей следует упомянуть многочисленные публикации Н. А. Васецкого и В. И. Старцева, в которых дооктябрьскому периоду уделено, однако, сравнительно немного места.

[2] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Берлин, 1930. Т. 1. С. 23.

[3] *Broué P.* Op. cit. P. 87.

[4] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика (по личным воспоминаниям). Нью-Йорк, 1921. С. 12.

[5] *Невский В. И.* Южнорусский рабочий союз. М., 1922. С. 90.

[6] Там же. С. 24.

[7] *Зив Г. А.* Указ. соч. С. 41.

[8] *Троцкий Л. Д.* О Ленине. М., 1924. С. 12.

[9] Там же. С. 13.

[10] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 277–278.

[11] Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924. С. 79–80.

[12] Следует отметить, что уже в брошюре «Итоги и перспективы» (1906) Троцкий отмечал: пролетарская диктатура предполагает, что рабочий класс достиг такой численности, когда он может преодолеть сопротивление буржуазной контрреволюции. Но это вовсе не означает, добавлял он, что подавляющее большинство населения должно состоять из пролетариев, а подавляющее

большинство пролетариата – из сознательных социалистов. См.: *Троцкий Л. Д.* Итоги и перспективы: Движущие силы революции. М., 1919. С. 56.

13 Второй съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 228.

14 *Троцкий Л.* Сталин. Бэнсон, 1985. Т. II. С. 140.

15 Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 102.

16 Там же. С. 110–111.

17 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 92.

18 *Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 98–99; *Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. О.* Из эпохи «Искры». М., 1925. С. 156.

19 *Троцкий Л. Д.* Перманентная революция. Берлин, 1930. С. 42.

20 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 261.

21 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 222.

22 *Троцкий Л. Д.* Перманентная революция. С. 13.

23 Там же. С. 16.

24 *Троцкий Л. Д.* 1905 год. М., 1922. С. 4–5.

25 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 154–157.

26 *Троцкий Л. Д.* 1905 год. С. 282.

27 Там же. С. 285.

28 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 327.

29 Там же. Т. 25. С. 205; Т. 27. С. 80.

30 ЦПА ИМЛ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 81.

31 Так, например, Ю. О. Мартов писал позже, выступая в роли историка первой российской революции, что Парвус и Троцкий совершенно порывали с официальной программой РСДРП, поскольку «исходили из лежащего в ее основе признания неизбежности в России „буржуазной революции“ и поскольку диктатуру пролетариата переводили из программы-максимум в программу-минимум (точнее, отказывались от последней)». Сравнивая взгляды Троцкого и большевиков, Мартов подчеркивал, что последние отличались значительно большей реалистичностью и более глубоким проникновением в сущность исторического момента (см.: Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. III, кн. 5. С. 554–555). Резко критиковал теорию «перманентной революции» и Г. В. Плеханов (Соч. М., 1926. Т. XV. С. 100). У большевиков с критикой Троцкого выступил в 1906 г. в «Невском сборнике» Л. Б. Каменев.

32 *Сверчков Д.* На заре революции. М., 1921. С. 153.

33 *Луначарский А. В.* Революционные силуэты. М., 1923. С. 20.

34 Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 146.

35 Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы: Высший подъем революции. М., 1955. Ч. 1. С. 440–442.

36 *Сверчков Д.* Указ. соч. С. 163–165.

37 Там же. С. 182.

38 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Т. 1. С. 215.

39 *Троцкий Л. Д.* Соч. М., 1925. Т. II, ч. 2. С. 461.

40 Русское слово. 1906. 4 окт.

41 ЦПА ИМЛ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 86–87.

42 Там же. Л. 88.

43 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 345.

44 *Троцкий Л. Д.* Наша революция. СПб., 1906. С. 252–253.

45 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 96. Статья была опубликована лишь в 1932 г. в газете «Правда».

46 Там же. Т. 47. С. 137.

47 Там же. С. 209.

48 Там же. Т. 25. С. 205.

49 См.: Там же. Т. 26. С. 286–291, 348–349 и др.

50 Там же. Т. 31. С. 249.

51 Ленинский сб. Т. 4. С. 303.

52 Коммунист. 1989. № 10. С. 101.

53 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 345.

54 Коммунист. 1989. № 10. С. 101.

55 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Берлин, 1930. Т. 2. С. 61.

56 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. М., 1989. С. 39.

57 См.: *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 22.

58 См.: *Рабинович А.* Указ. соч., с. 53; *Galili Z.* The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political Strategies. Princeton, 1989. P. 331–332.

59 Цит. по кн.: *Рабинович А.* Указ. соч. С. 46. Г. В. Плеханов пошел в июльские дни еще дальше, прямо поддержав в своей газате «Единство» версию о связях Ленина с Германией (см.: *Плеханов Г. В.* Год на Родине. Париж, 1921. Т. 2. С. 55, 58).

60 Речь, 1917. 7 июля.

61 *Троцкий Л. Д.* Соч. М., 1924. Т. 3. Ч. 1. С. 169, 171.

62 Там же. С. 240–241.

63 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 262.

64 *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 94.